

II. Новая реальность

«Обращаюсь и к правым, и к левым...»

Это была попытка собрать все силы общества и объединить их вокруг правительства Керенского. Собрание назначено на 14 августа в Москве, где для него предоставляется Большой театр.

Большевики, также получившие приглашение, отказались участвовать в собрании, подтвердив тем самым, что имеют свои особые цели.

Они снова провозгласили снятый после 3 июля лозунг «Вся власть Советам!», надеясь завоевать большинство в Советах, где преобладали меньшевики и эсеры.

Анархист Кропоткин был приглашен на собрание в составе «группы русской истории», состоявшей из оставшихся в живых первых народников, зачинателей революции, увенчавшейся, наконец, победой. В «группу истории» вошла и Екатерина Брешко-Брешковская, судившаяся во «процессу 193-х», и находившаяся на каторге и в ссылке почти те же сорок лет, что Петр Алексеевич прожил в эмиграции. Вместе с Кропоткиным они - старейшие среди участников собрания, немногим их моложе Николай Морозов, Вера Фигнер, Николай Чайковский, Герман Лопатин, Георгий Плеханов.

Петру Алексеевичу было приятно встретиться с давно знакомыми учеными. От высших учебных заведений приглашены академики: медик Владимир Бехтерев, историк Евгений Тарле, биолог Михаил Мензбир. От научных учреждений и обществ - географ Дмитрий Анучин, художник Леонтий Бенуа, химик Иван Каблуков. Географ и ботаник Владимир Комаров и океанолог Юлий Шокальский присутствовали как представители русского географического общества. Но основная масса приглашенных - промышленники, купцы, банкиры, высшие армейские чины. Они тоже за революцию, во всяком случае, против реставрации самодержавия.

На вечернем заседании 14 августа выступил самый знаменитый русский банкир Павел Рябушинский. Он сказал: «Тогово-промышленный мир приветствовал свержение презренной царской власти и никакого возврата к прошлому, конечно, быть не может...»

Возврата быть не может - тут большинство согласно. Но куда же идти? Очень многие видят спасение в диктатуре, которая противостояла бы стихийности народного движения, как всегда именуемой страшным словом «анархия». Когда председательствующий Керенский обратился к верховному главнокомандующему Лавру Корнилову: «Ваше слово, генерал!», зал встал, аплодируя. В левом же секторе продолжали сидеть. Справа слышались возмущенные крики: «Хамы! Встаньте!» Правые уже сейчас требовали покорности

будущему диктатору. Слева в ответ летело: «Холопы!» Наконец все затихли. Генерал Корнилов произнес речь, в которой заверил собравшихся, что с анархией в армии ведется беспощадная борьба и она будет подавлена, что необходимо поднять престиж офицеров и принять решительные меры...

Этот красивый стройный генерал недолго будет скрывать свои планы: уже через неделю он двинет на Петроград войска под знаменем с эмблемой смерти: черепом и костями. Но ему не удастся захватить власть, и он войдет в русскую историю как «несостоявшийся диктатор». В борьбе с корниловщиной на короткое время объединятся все социалистические партии, и мятеж будет подавлен. Но консолидация сил, ради которой и было создано Государственное совещание, сохранялась недолго.

Второй день совещания был отмечен выступлениями «левых». От «Группы истории» первой вступила Брешко-Брешковская. Она, как и все (или почти все) участники совещания, говорила о необходимости защитить родину от наступающих германских армий, продолжив войну, но как социалистка, просила правительство обратить самое энергичное, самое строгое внимание на внутренних врагов России - капиталистов и торговцев.

Речь вступившего вслед за ней вроде бы еще более «левого» революционера (куда дальше - анархиста!) Кропоткин удивила своей умеренностью: «Граждане и товарищи!- начал он. - Позвольте и мне тоже присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ... стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции... Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца... Если бы немцы победили, последствия этого для нас были бы так ужасны, что просто даже больно говорить о них... Продолжать войну - одно великое предстоящее нам дело, а другое, одинаково важное дело - это работа в тылу. Репрессивными мерами тут ничего не сделаешь... Нужно, чтобы русский народ во всей своей массе понял и увидел, что наступает новая эра... Разруха у нас ужасная. Но знаете, господа, что и в Западной Европе наступает новый период, когда все начинают понимать, что нужно строительство новой жизни на новых, социалистических началах...»

Справа зашумели - трудно поверить в эти «начала», особенно сейчас...

«Да, да, - как бы согласился Кропоткин. - Мы все неопытные в деле общественного строительства... Мы многое не знаем, многому еще должны учиться. Но, господа, у вас есть... - оратор обратился к сидящим справа, - я не говорю про ваши капиталы - у вас есть то, что важнее капитала, знание жизни. Вы знаете жизнь, вы знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов, соедините и то, и другое и приложите их к строительству новой жизни...»

Призвав присутствующих сделать все возможное, чтобы «уменьшить размеры назревающей братоубийственной гражданской войны», Кропоткин обратился к собравшимся с такими словами: «Мне кажется, нам в этом Соборе русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!... Пообещаем же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. Ведь у нас одна родина».

Возгласы «браво!» и буря оваций были ответом зала на речь Кропоткина.

К тем, кто призывал довести войну до конца, до победы, присоединился и выступивший вслед за Кропоткиным Георгий Плеханов, полагавший, что только отношение к войне может объединить все силы общества.

Под бурную овацию всего зала и критики «Да здравствует революция!», «Да здравствует Керенский!» совещание уже глубокой ночью¹.

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 1., ед. хр. 734.

Возможно, чествования Керенского не понравились тогда Кропоткину, относившемуся отрицательно к попыткам возвеличить отдельную личность до королевского уровня, и он подумал, что дальнейшее развитие революции должно выдвинуть других людей.

В сентябре разразился очередной кризис внутри правительства. Опять произошла смена министров. Новый состав назвали «правительством спасения революции», а его председателя Керенского наделили «чрезвычайными полномочиями». При этом предполагалось развитие демократии. Наконец, были назначены выборы в Учредительное собрание, создан Временный Совет республики (предпарламент) под председательством Николая Авксентьева. В состав совета вошли Николай Чайковский и Марк Натансон, тот самый, с которым Кропоткин отправился в эмиграцию в 1876 году. Оба - из старшего поколения революционеров, из тех, кто начал в России дело революционной пропаганды. То, что они возглавили победившую революцию, было естественно. Но Кропоткина не оставляла мысль, что наверху власти происходит не совсем естественный процесс: демократию пытаются совместить с диктатурой, в то время как основные массы народа в систему власти никак не вовлечены. Революция опять, как во времена Александра II, идет «сверху».

В газетах все чаще мелькают призывы к твердой и сильной власти. Все чаще говоря и пишут о большевиках, популярность которых очень быстро растет среди рабочих и солдат.

Но то, что 25 октября (7 ноября) власть в Петрограде перешла к Военно-Революционному комитету Петроградского Совета, сформированному в основном из большевиков, для многих оказалось неожиданностью. Правительство Керенского, кроме его председателя было арестовано. Его место заняло Временное рабоче-крестьянское правительство, объявившее себя органом власти до созыва Учредительного собрания. Оно состояло из народных комиссаров, образующих Совет (Совнарком). Второй Всероссийский съезд Советов, собравшийся на следующий день после переворота, утвердил первые декреты новой власти, которая стала называться советской.

«Хоронят русскую революцию»

Кропоткин к тому времени переселился в Москву. Жил он на Большой Никитской, в самом центре города и был свидетелем событий революционных событий Московскому Военно-революционному комитету не удалось сразу овладеть положением. Серьезное

сопротивление оказали верные Временному правительству воспитанники военных юнкерских училищ (юнкера). Им удалось захватить Кремль, но красногвардейцы, используя тяжелую артиллерию, после нескольких дней боев заставили все же противника сложить оружие. Друг Кропоткина Александр Атабемян вспоминал, что, услышав начавшийся артиллерийский обстрел Кремля, он сказал: «Это хоронят русскую революцию». Но вот из Петрограда пришли первые декреты новой власти: «декрет о мире», «Декрет о земле»... В этих декларациях большевиков Кропоткин обнаружил близкие ему идеи: земля передавалась крестьянам, заводы и фабрики - рабочим, власть - советам, то есть, как он понимал, местным органам самоуправления народа.

Надо сказать, что в период между июлем и октябрём 1917 года анархисты были ближайшими союзниками большевиков. Они приняли участие в вооруженном выступлении 25 октября в Петрограде, двое их представителей входили в состав Военно-Революционного Комитета, бывшего штабом восстания, но когда образовалось Советское правительство, обнаружились расхождения во взглядах. Многие в программе этого правительства соответствовало анархистскому идеалу Кропоткина, однако он всегда считал, что стремясь к осуществлению высокого общественного идеала - народовластия, нельзя от него отступить, опасаясь того, что народ еще не готов взять власть в свои руки. Нельзя, дав народу свободу, тут же ее отнимать. Беспокойство Кропоткина было вполне конкретно: при отчетливой тенденции к концентрации новой власти в центре, партия, обладающая этой властью, не делала ее ни с кем делить, а главное - опасалась отдать ее народу, в то время как революция должна стать делом всенародным, всеклассовым. Только тогда она достигнет благородной цели, приблизит идеал, а не превратится в свою противоположность.

После возвращения на родину Кропоткин, конечно, интересовался деятельностью анархистских групп в стране. Они присылали ему издававшиеся ими книги, газеты, листовки. Но он ни разу прямо не высказывал своего отношения к тому, что делали эти организации. Либо их деятельность казалась ему недостаточно серьезной, либо он не хотел высказывать предпочтения ни одной из групп, чтобы не внести этим раздор между ними и не проявить таким образом совершенно ему не свойственное стремление кем бы то ни было управлять. По-видимому, имели значение и давно возникшие разногласия с теми анархистами, которые продолжали отстаивать право на террор как оружие политической борьбы. Кропоткин же давно осудил террор, считая его совершенно неприменимым в анархистском движении.

Террор отрицали анархисты синдикалистского направления, возникшего на Западе и распространившегося на Россию еще в пору революции 1905 года. Тогда Даниил Новомирский основал первую синдикалистскую группу «Новый мир», за которой последовало возникновение объединений рабочих по профессиональному признаку и потребительских кооперативов. Свободные ассоциации производителей пытался организовать Лев Черный (Турчанинов). Анархистскими по сути были толстовские «коммуны». Индивидуалистический анархизм Алексея Боровского не признавал ни классовой борьбы, ни какой бы то ни было «организованной общественности», имея дело только со свободной личностью. Мистический анархизм проповедовал в своем журнале «Факел» поэт Георгий Чулков и его последователи, среди которых особенно выделился А. А. Солонович, рассматривавший мир как «совокупность различных сознаний». Кроме того,

были еще «чернознаменцы», «безначальцы», «безмотивники»...

Анархические группы действовали в 130 городах и поселках, они издавали около 40 газет и журналов. В Петрограде существовало крупное издательство «Голос труда»; в Москве - «Почин»; в Харькове - «Вольное братство». Основной продукцией их и издательств в других городах были книги Кропоткина, главным образом публиковавшиеся прежде на Западе. С большинством его работ революция познакомила Россию впервые. Только в 1917-1918 г. г. появилось более 100 публикаций, преимущественно в отдельных изданиях. Автор заново пересмотрел переводы своих работ на русский язык, снабдил некоторые из них предисловием или послесловием, примечаниями, стараясь связать свои давние идеи с современной действительностью, для которой многое из того, что он высказывал двадцать и даже тридцать лет назад, выглядело в высшей степени актуальным.

В газетах и в речах ораторов на митингах словосочетания «диктатура пролетариата», «революционных террор» употреблялись тогда особенно часто. И вот появляется статья Кропоткина «Революционная идея в эволюции», впервые опубликованная в 1891 году, где можно было прочитать: «Каждый революционер мечтает о диктатуре,... о революции, как о возможности легального уничтожения своих врагов,... о завоевании власти, о создании всеильного, всемогущего и всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... Якобинская традиция давит нас... будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса, он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти...»¹

1 Кропоткин П. А. Век ожидания. Пг.-М. 1925, С. 56.

Петр Алексеевич внимательно следил за ходом событий. И не все вызывало у него одобрение. Первые два месяца после Октябрьской революции прошли относительно спокойно. Наступил 1918-й года. Первое важнейшее его событие - созыв по постановлению Советского правительства. Учредительного собрания, вопрос о необходимости которого для установления формы правления и выработки конституции был еще в 1903 году включен в программу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРА).

После Февральской революции практически все партии - от кадетов до большевиков - выступали за выборы в Учредительное собрание. Озабоченное проблемой укрепления собственной власти, Временное правительство откладывало выборы, назначив их на 12 (25) ноября 1917 года. Они состоялись уже при новом правительстве.

Кропоткин отказался от сделанного ему предложения баллотироваться в депутаты. Он не верил в возможности парламента и надеялся на то, что снизу начнется движение за создание местного самоуправления, которое и возьмет в свои руки продолжение революционного процесса. Но развитие событий пошло по другому пути.

Результаты выборов, впервые проведенных в России на основе прямого, равного и тайного голосования, оказались неблагоприятными для партии большевиков. Крестьянство отдало свои голоса эсерам, которые получили наибольшее число мест в Учредительном собрании.

Большевики овладели лишь четвертью депутатских мест. Речь могла бы идти о формировании коалиционного правительства.

5(18) января 1918 года Учредительное собрание открылось в Петрограде в Таврическом дворце. Председателем был избран эсер-центрист Виктор Чернов. Он выступил с речью и призвал все социалистические партии к консолидации в строительстве демократической республики.

Но наутро власть Советов распустило не поддерживавшее ее Учредительное собрание. Отряд красногвардейцев принудил депутатов покинуть зал.

На следующий день в Петрограде и Москве прошли организованные эсерами демонстрации в защиту демократии и Учредительного собрания, при разгоне которых были жертвы.

Становилось ясно, что расколотившееся общество стремительно катилось к гражданской войне. Советское правительство не получило всеобщей поддержки и сохранить власть оно могло только с помощью насилия и террора.

Приняв «Декрет о мире», правительство приступило к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками. 3 марта 1918 года в Бресте был заключен мирный договор, по которому Германия получила возможность оккупировать Прибалтику, Белоруссию, а также Украину, объявленную независимой от России. Условия мира были грабительскими, но Советское правительство получило мирную передышку, позволившую обратить внимание на внутренние проблемы. А к осени оправдался расчет на революцию в Германии, и 13 ноября Брестский договор был аннулирован.

К этому времени война внутри страны приняла грандиозные размеры. В борьбе с Советской властью объединились как крайне правые силы, среди которых были и монархисты, так и левые, где наиболее активными были эсеры. В марте 1918 года на Лондонской конференции представители стран Антанты и США приняли решение перейти к открытой интервенции против Советской России. Вскоре был высажен англо-американский десант в Мурманске, летом оккупирован Архангельск. Во главе марионеточного правительства Северной области оказался старый друг Кропоткина Николай Чайковский.

Человек, с именем которого связано название кружка первых народников, превратившегося в большое общество социалистической пропаганды, оставался на позиции умеренного демократического социализма. Но он не был ни контрреволюционером, ни «агентом империализма», как его представляли в официальных исторических изданиях в нашей стране.

Кропоткин хорошо знал Чайковского и особенно сблизился с ним в пору их совместной эмигрантской жизни в Англии. Чайковский вернулся в Россию еще в 1910 году. Какое теплое письмо прислал он Кропоткину к 70-летию! «Милый Петр!... Старость, как и юность, имеют свою зарю. И ничего я так не желаю тебе, как провести остаток твоей блестящей жизни вблизи к обновленной, глубоко изменившейся родине. Могу по собственному опыту сказать тебе, что она полна кипучей творческой жизни, к сожалению, все еще прикрытой топкой коркой паутины и искусственной спячки...»

Пожелание исполнилось. Оба они в России, но события в ней повернулись так, что разбросали старых друзей по разные стороны линии фронта гражданской войны. После разгона Учредительного собрания Чайковский входил то в одно, то в другое оппозиционное центральному правительству, пока не стал председателем архангельского Верховного управления Северной области, поддержанного англо-американскими интервентами. Потом на одном из политических процессов 20-х годов он был заочно приговорен к расстрелу, которого избежал, эмигрировав снова в Англию. Там он и умер через пять лет после смерти Петра Алексеевича.

Те, кто знал Кропоткина на Западе в годы его эмиграции, были уверены, что он не мог не оказаться в оппозиции к большевикам, а потому наверняка является «заложником Советов», подвергнут репрессиям. Распространился слух о его аресте; в ряде городов Англии и скандинавских стран прошли митинги протеста. Когда Кропоткин узнал об этом он опубликовал открытое письмо, в котором просил не верить ложным измышлениям врагов революции: «они рады воспользоваться любым предлогом, как аргументом против большевистского правительства, с которым нельзя согласиться по многим вопросам, но которому тем не менее принадлежит честь заявить и частично применить на практике принципы социализма».

Некоторые анархисты считали подобную защиту Кропоткиным Советского правительства проявлением вполне объяснимого возрастом оппортунизма - отходом от своих принципов, «поправлением» теоретика анархизма. Однако на самом деле Кропоткин, возможно благодаря огромному жизненному опыту, хорошо понимал реальную ситуацию, сложившуюся после Октября, и считал, что Октябрьская революция была неизбежна она сделала следующий шаг после Февральской. Но режим подчинения центральной власти ужесточался. И первый удар был нанесен по анархистским группам Москвы.

При подготовке переезда в Москву из Петрограда Советского правительства было обнаружено, что сеть анархистских организаций пронизывает весь город. В 25 особняках расположились клубы Московской федерации анархических групп, охранявшиеся вооруженными отрядами. Собственно, эти отряды и вызывали беспокойство. Соседство «безгосударственников» с учреждениями органов управления молодого Советского государства было нежелательно. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) приняла решение о разоружении московских анархистов. В ночь на 12 апреля была проведена эта достаточно сложная операция. Анархисты оказали отчаянное сопротивление. Лишь к 10 часам утра прекратилась перестрелка; в результате ее убито 30 анархистов, ранены 12 чекистов, около пятисот человек задержано...

Одновременно началось разоружение анархистов и в других городах - почти повсюду с боями. Но так называемых «идейных» анархистов тогда не трогали.

В мае 1918 года в Москве появился 29-летний «независимый» анархист Нестор Махно, год назад вышедший из Бутырской тюрьмы, где провел восемь лет за участие в террористическом акте. Махно задумал организовать на Украине восстание против немецкой оккупации, а на освобожденных землях - анархистскую коммуну, в которой воплотить кропоткинские идеи. Он зашел к Кропоткину, который жил тогда на Новинском

бульваре у известного философа и публициста Сергея Трубецкого, и уже собирался уезжать в Дмитров.

Кропоткина план практической реализации его теории не очень воодушевил. То ли он не верил в возможности этого смелого, но недостаточно образованного человека, то ли сомневался вообще в том, что остров анархистского общества может существовать внутри жесткой государственной системы.

От Кропоткина Махно пошел в Кремль, где добился, что его приняли Ленин и Свердлов.

Вернувшись в родное село Гуляй-Поле, Махно сумел сколотить отряд из двадцати человек, который очень быстро превратился в многотысячную крестьянскую армию, развернувшую партизанскую войну в тылу германских оккупационных сил.

И на освобожденной территории при помощи нескольких «идейных анархистов» Махно предпринял попытку организации «безвластной республики» на основе самоуправления. Из этого ничего не вышло, потому что практически все время приходилось воевать. Трижды махновские части вливались в состав Красной Армии, и, в частности, оказали ей немалую помощь при прорыве в Крым и разгроме войск генерала Врангеля. Но затем командование Красной Армии потребовало от Махно разоружиться; он отказался, желая сохранить свою армию, и после кровопролитных боев, в августе 1921 года, с остатком своего «войска» ушел в Румынию. Умер Нестор Махно в Париже в 1934 году.

В конце августа 1918 года анархисты-синдикалисты провели конференцию в Москве. Собрались 16 делегаций от десяти городов. В принятой декларации конференция выступила «за восстановление вольных советов рабочих и крестьянских депутатов», против института народных комиссаров и руководства партии большевиков, которую называли «партией застой и реакции». Кропоткина приглашали на эту конференцию, но он не приехал, так же как ни на одну из последующих, даже на Первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов, состоявшийся в конце 1918 года. Конечно, нездоровье было очевидной причиной, но ведь и в эмиграции он тоже не очень-то жаловал подобные «форумы».

«ДМИТРОВСКИЙ ОТШЕЛЬНИК»

Для советского правительства независимая позиция ветерана революционного движения была весьма благоприятна. И Кропоткин получил его поддержку. Ему предложили квартиру в Кремле, кремлевский паек, причем народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский написал Софье Григорьевне письмо, где просил воздействовать на Петра Алексеевича, чтобы тот не отвергал помощи, исходящей от государственной власти. Но Кропоткин твердо отказался. И чтобы быть подальше от суеты московской и постоянных переездов - трижды ему пришлось менять квартиру, поскольку дома «бывших буржуев», в которых он поселялся, реквизировали - Кропоткин уезжает в Дмитров, в тихий, старинный городок недалеко от Москвы (на таком же примерно расстоянии, как Брайтон от Лондона). Друг Льва Толстого граф М. А. Олсуфьев (уездный предводитель дворянства) продал ему за символическую плату пустующий дом на бывшей Дворянской улице, переименованной в

Советскую (теперь это Кропоткинская улица).

В июле 1918 года Кропоткин поселился с женой в Дмитрове получив «охранное» удостоверение, подписанное Предсовнаркомом В. И. Ульяновым-Лениным. В нем говорилось: «Дано сие удостоверение... известнейшему русскому революционеру в том, что советские власти в тех местах..., где будет проживать Петр Алексеевич Кропоткин, обязаны оказывать ему всяческое и всемерное содействие... представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более...»

От местных властей Кропоткин получил разрешение возделывать огород на двух сотках приусадебного участка, его снабжали дровами и сеном для коровы, доставшейся ему от Олсуфьева вместе с домом. Жил он в небольшом доме с застекленной террасой, за ней - маленькая темная передняя, уютная столовая, из которой дверь вела в кабинет. Больше всего места в нем занимал рояль все остальное пространство было заполнено книгами: полторы тысячи томов было в его библиотеке. Книги лежали и на рояле, и на подоконнике, и на столе, и на стульях...

А вокруг Дмитрова - типичный ледниковый ландшафт; морена древнего ледника - Клинско-Дмитровская гряда...

Приехав в Дмитров, Кропоткин прежде всего заинтересовался краеведческим музеем, организованным местными кооператорами: «Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове, - говорил он, выступая 30 августа на съезде учителей Дмитровского уезда, - и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу наши три молодые сотрудницы музея: геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме сумели они представить собранный материал... и я порадовался за новое поколение... Пусть только будет у нас несколько лет свободы, и во множестве городов у нас вырастут такие же и еще лучшие музеи. Они будут неоценимым подспорьем для преподавания теории Земли и жизни...»

Кропоткин считал своим долгом оказать поддержку этому начинанию. Он участвовал в заседаниях сотрудников музея, в обсуждении таких тем, как «Болота Дмитровского уезда» или «Следы языческих верований». Под Новый 1919 год написал, а в январе прочитал на двух заседаниях небольшому коллективу сотрудников музея доклад «О ледниковых и озерном периодах» - последнюю свою географическую работу.

Доклад продолжали его книгу «Исследования о ледниковом периоде». В нем повторены основные ее положения, но добавлены и обобщены новые факты, касающиеся пределов распространения былого оледенения и объясняющие причины колебания климата на Земле. Если раньше Петр Алексеевич считал, что ледники на Северную Европу наступали только один раз, а затем постепенно растаял, то теперь он признал возможность существования в ледниковый период ряда холодных эпох. Они разделялись временным потеплением, когда ледники сильно сокращались в размерах, а то и вовсе исчезли.

И к такому выводу пришла теперь и наука о ледниках - гляциология.

В докладе подробно рассмотрена проблема образования рек и цепочки озер, возникающих на месте растаявшего ледника. Кропоткин доказывает, что долины всех больших рек Европы и Америки состоят из последовательно располагающихся расширений, соединенных как бы узкими протоками...

Но, как всегда, он не может ограничить себя занятием одной наукой. Его Волнуют, например проблемы перестройки народного образования, о необходимости которой он говорил на том же съезде учителей: «Задача эта громадная, трудная - вполне это сознаю, но задача неотложная... Совершится эта перемена не в один день и не по указам свыше, а только посредством свободной работы десятков тысяч учителей и учительниц в свободной школе, где есть место личному творчеству».

Он предложил развивать в школе «дух общности» и использовать для этой цели всевозможные школьные общества, переписку между школами, обмен коллекциями.

Конечно, мысль Кропоткина о том, что члены нового общества сначала должны отдать некоторое количество часов физической работе, нужной обществу, чтобы потом заняться таким трудом, который способствует развитию собственной личности, может показаться заимствованной из арсенала утопистов - проповедников того самого «казарменного коммунизма», против которого он решительно выступал. Но надо не забывать, что нигде Кропоткин не говорит о принуждении. Ему казалось, что люди сами захотят так работать, удовлетворяя тем самым свои потребности в разнообразном труде. Наличие в каждом человеке таких потребностей - вопрос его нравственности. В самом деле, многие городские жители мечтают о работе в огороде или саду - их не над принуждать покупать дома в сельской местности с приусадебным участком. Он и сам, где бы ни жил, всегда имел при доме такой участок и с удовольствием занимался столярным и переплетным делом, огородничеством. Так было и в Дмитрове.

Кропоткину было присуще, занимаясь очень важными, можно сказать, глобальными вопросами, не отказываться и от решения любых других дел возникающих в том реальном жизненном пространстве, в котором он находился. Живя в уездном городке, он общался с его жителями, вникая в их нужды, стараясь помогать им по мере сил. Сохранилось, например, воспоминание почтового работника Петра Злотина, обслуживавшего в Дмитрове телефонную связь, который устанавливал телефон и Кропоткину. Злотин рассказал за чаем о бедственном материальном положении связистов города. Петр Алексеевич попросил подробно письменно изложить суть дела от имени рабочего комитета. Представители комитета такую записку составили. Внимательно ее прочитав Кропоткин тут же написал письмо председателю Совнаркома В. И. Ленину. Дмитровцы отвезли его в Кремль. Через две недели было получено распоряжение наркома продовольствия Александра Цюрупы об улучшении быта почтово-телеграфных служащих по всей стране. Вместе со всеми улучшение своего продовольственного снабжения ощутил и связисты-дмитровцы.

Как и в далекой юности, Кропоткин проводил в Дмитрове метеорологические наблюдения - просто так, для души. В «Записной книжке кооператора на 1919 г.» им записаны ежедневные данные о температуре воздуха, состоянии атмосферы, направлении ветра, ходе таяния снежного покрова.

Это необычное возвращение к географии в последние годы жизни знаменитого анархиста отметил профессор Московского университета, географ и этнограф Дмитрий Анучин. В помещенной в «Русских ведомостях» статье «К юбилею П. А. Кропоткина как ученого», которому в 1917 году исполнилось 75 лет, Анучин писал, что Кропоткин и по сей день «не утратил интереса к наукам о Земле, его продолжают занимать те научные вопросы, над которыми он думал все свои юные годы». Это вообще была первая статья, рассматривавшая естественнонаучный аспект деятельности П. А. Кропоткина. Появилась и вторая: геолога Владимира Афанасьевича Обручева (будущего академика) в журнале «Природа». Через 30 лет после Кропоткина Обручев исследовал Олекминско-Витмискую горную страну, район Ленинских золотых приисков и назвал именем первопроходца горный хребет.

В. А. Обручев сетовал на то, что такой талантливый географ отвлекается на политическую деятельность, и наука потеряла в результате крупнейшего ученого. Эта точка зрения существует и сегодня. Может быть, Обручев и прав. Если бы состоялась задуманная Кропоткиным полярная экспедиция, которая могла бы продлиться не один год, он не пришел бы к «чайковцам», и судьба его сложилась по-иному.

Хотя вряд ли, ведь Фиртьоф Нансен пришел в политику как раз после большой полярной экспедиции. Так что скорее всего Кропоткин остался бы верен себе, и другим он бы не был.

Работу в Дмитрове над рукописью «Этики» в достаточно трудных бытовых условиях тех лет - надо добавить еще преклонный возраст и плохое здоровье - следует считать тем «саморасточением», о котором Кропоткин в ней писал. До мая 1920 года с ним работала машинистка Дмитровского союза кооператоров, но когда она уехала, ему пришлось перепечатывать рукопись самому. Он не мог работать в библиотеках и использовал лишь свои многочисленные выписки из книг, которых много накопил за долгую жизнь.

Неоконченная «Этика» Кропоткина - его «лебединая песнь». В ней - последние его мысли, последние обобщения... Это как бы дань родине, которую он покинул беглым узником более сорока лет назад и куда наконец вернулся. Это и завещание ей.

В феврале 1919 года в письме к Александру Атабекяну в Ковров Петр Алексеевич писал о жизни в Дмитрове: «Мы живем понемногу. Здоровы. Воздух здесь чудный зимой. Небо подчас чисто итальянское. В безветренные морозные дни - просто восхитительные прогулки, особенно с тех пор, как ношу валенки, в которых нога не скользит. Каждый день выходим часа на полтора. День теплый. Работаю недурно - два с половиной часа утром и столько же после обеда. Больше не могу...»

Два с половиной года прожил Кропоткин в небольшом городе Дмитрове. Мало кто из его жителей представляет себе, что приветливый белобородый старик, встречающийся им на улице - знаменитый во всем мире теоретик анархизма, сокрушитель государственных устоев.

Федерализм и кооперация.

Возвращаясь в Россию, Кропоткин думал о том, по какому пути пойдет формирование ее нового государственного и общественного устройства. Собственно, у него уже давно сложились определенные представления об этом, и он их уже неоднократно высказывал. Он не предлагал, как можно было ожидать, и, в чем некоторые из его последователей были уверены, немедленной отмены государства и «введения анархии». Кропоткин напоминал, что идеи Великой Французской революции, разгромленной и побежденной, стали основой эволюционного развития, продолжавшегося целое столетие. Таковы судьбы всех революций: хоть и побежденные, они дают содержание эволюций, следующей за ними. И вот его совет новой власти в России: «Вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться от форм простых к сложным через свободный союз свободных групп. Теперь стесненный, этот ход и является истинным ходом развития общества. Не пытайся мешать ему, не поворачивайся спиной к прогрессу, шествуя вместе с ним!»¹

1 П. Кропоткин. Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917., С. 28

За три года до революции, в вышедших отдельной книгой «Письмах от текущих событиях», посвящаемых в основном событиям мировой войны, он дает более конкретный совет: «Убедительно рекомендую всем любящим Россию и вдумчиво относящимся к ее будущему, серьезно познакомиться с федеративным строем Канады и Соединенных Штатов. Россия неизбежно должна будет пойти поэтому же пути... Нужно привлечение местных общественных организаций... десятки тысяч работников из всех классов общества, поощряя образование профсоюзов и создавая производительные и потребительные кооперативы в неслыханных прежде размерах... Нужно творчество всенародное людей в повседневной жизни... Иначе как крупным самостоятельным общим делом ее (Россию - В. М.) нельзя пробудить»¹.

1 П. А. Кропоткин. Письма о текущих событиях. М., 1914, С. 79, 96.

А в 1918 году он организует в Москве Лигу федералистов, на заседании которой 7 января говорит. «...Все яснее становится невозможность управлять из одного центра 180 миллионами людей, расселившимися на чрезвычайно разнообразной территории, гораздо большей, чем вся Европа... Все яснее становится сознание, что истинная творческая сила этих миллионов людей проявится только тогда, когда они почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и со своим историческим прошлым...»² В этой же речи Петр Алексеевич произнес свою пророческую формулу: «Централизация - язва не только самодержавия...»

2 П. Кропоткин. Федерация - путь к объединению. Голос минувшего, N1, М. 1922, С. 15-16.

В Дмитрове Кропоткин увидел проявление революционной перестройки, обратив внимание на возникновение и успешную деятельность местной кооперации.

Собственно, кооперативный путь строительства социализма привлекал его давно. При этом Кропоткин обращал внимание на бурное развитие кооперации в России в начале века. В

письме к Марии Гольдсмит он отмечал в декабре 1912 года: «Крупное движение в России - это кооперация. Я получил из Кургана Томской губернии газету Союза маслодельных артелей. Это нечто поразительное... В 625 селах - кооперативные лавки, около 1000 артелей...»

Идею кооперации Кропоткин «вывез» из Англии. Собственно, там она и родилась. В 1844 году 28 ткачей образовали «Общество рочдельских пионеров», по сути потребительский кооператив. Они опубликовали свой манифест, положив начало движению, на исходе XIX века охватившему большинство стран мира.

Основанное на началах солидарности, самоуправления и независимости от государства, оно ставило перед собой не только экономические, но и нравственные цели, следуя учению фабриканта Роберта Оуэна, и было очень близко анархическому движению. К началу XX столетия в России имелось уже немало кооперативов. Особенно славились сибирские производители масла. Это производство оказалось очень эффективным, а продукция исключительно высокого качества.

Все дело здесь, как понял Кропоткин, - в следовании присущим от природы человеку качествам - общительности, солидарности, взаимопомощи. В кооперации видел Кропоткин воплощение своих этических идей.

О необходимости ослабления централизации власти Кропоткин говорил в последней своей речи, в ноябре 1920 года на съезде уполномоченных дмитровских кооперативов, и в первом своем выступлении в Дмитрове на съезде учителей. Слова Кропоткина «Пусть только будет у нас несколько лет свободы...» звучали как заклинание: не может победить революция, которая не принесла с собой свободу. Свобода же властей определять, кто является контрреволюционером и врагом народа, а потому подлежит уничтожению, не имеет ничего общего с тем пониманием свободы, которое провозглашено было Великой Французской революцией.

В конце декабря 1920 года Петр Алексеевич написал открытое письмо VIII-му Всероссийскому съезду Советов в связи с тем, что дело шло к закрытия всех кооперативных издательств.

Обращаясь к высшему органу Советской власти, Кропоткин считал, что нельзя допустить полной централизации печати в Российской Советской республике:

«Нет найдет ли президиум возможным предложить на обсуждение Съезда вопрос чрезвычайной важности для России - вопрос о предполагаемом закрытии всех вольных кооперативных и товарищеских издательств...» Перечислив, что издательства успели сделать для народа, он подчеркнул их преимущества: «И что всего важнее, в этих издательствах, где сами писатели становились издателями своих трудов, создавалось единство между процессом творчества и производством книги, которого отсутствие так вредно отзывается на большинстве капиталистических издательств и тем более отзовется на издательствах государственных...» И дальше: «Не даром человечество целую тысячу лет боролось за свободу путем невероятных жертв. Убить эту свободу и отдать громадную,

вольную культурную работу в распоряжение государственных канцелярий значило бы заставить вас, представителей рабоче-крестьянской России, быть слепыми орудиями мрачного прошлого и связать высокие стремления социализма с прошлым насилием и торжеством абскурантизма - властью тьмы...» 1

1 Витязем П. Частные издательства в России. Пг. 1920.

Диалог с Лениным

Конечно, Кропоткин не мог предположить, что один из тех русских социал-демократов, которых он слушал в Лондоне в 1907 году и презрительное отношение которых к крестьянству его просто возмутило, возглавит Россию, толк что воссвободившуюся о самодержавия. Но так получилось в результате разгоревшейся борьбы за власть. Впрочем, ее почти не было: просто большевики вырвали эту власть у слабо державшегося за нее Керенского. Кропоткин видел непоследовательность политики Временного правительства, его медлительность в решении проблем, связанных с землей и организацией местного самоуправления. Большевики же с их лозунгами «Землю - крестьянам!» и «Вся власть Советам!» обещали решительные действия в этих направлениях.

Советы были впервые созданы во время революции 1905 года творчеством народных масс и Кропоткину показалось, что ассоциация этих рожденных на местах органов самоуправления сможет заменить централизованную власть государства и обеспечить обществу политическую свободу. Надежды на торжество экономической свободы он связывал с кооперативным движением, тоже зародившемся «снизу». Все получалось не совсем та. Но не сразу это было ясно, и первоначально Кропоткин, хотя и очень сдержанно, поддержал произведенный большевиками при содействии левых эсеров и анархистов переворот в октябре семнадцатого.

Разочарование наступило достаточно быстро, но все же у него оставалась надежда на то, что сама жизнь заставит приступить к строительству общества подлинного народовластия, а не возвращаться к централизованному самодержавному государству. Обстоятельства, однако, складывались крайне неблагоприятно. Провозглашенная большевиками диктатура пролетариата, разгон ими Учредительного собрания, в котором они не получили большинства, устранение из правительства представителей других социалитических партий, - все это вызвало протесты в широких кругах общества. В 1918 году Советское правительство приняло ряд мер, получивших название «политики военного коммунизма». Была национализирована вся крупная, средняя и большая часть мелкой промышленности, управление которой строилось на основе строгой централизации, запрещена частная торговля введено нормированное снабжение и система обязательной сдачи излишком продовольствия (продразверстка). Дело завершилось введением цензуры и закрытием нелояльных правительству газет и журналов, в том числе старейших в России журналов «Русская мысль», «Нива», «Русское богатство». Шли массовые аресты. Все это свидетельствовало о том, что в стране утвердилось жесткая диктатура одной партии, возродилось своего рода самодержавие, о чем еще много лет назад предупреждал Кропоткин в своих «Речах бунтовщика».

Разгорелась гражданская война, в которой против новой власти выступили и монархисты, и сторонники капиталистического развития страны, и либералы, и эсеры, и социал-демократы (меньшевики). Поддерживая противников режима, страны Антанты начали открытую интервенцию.

Противники «диктатуры пролетариата», среди которых оказались и социалист-революционеры (эсеры), наследники «Народной Воли», возродили применявшуюся ими при царизме тактику индивидуального террора. В Петрограде убиты председатель ЧК Урицкий и комиссар по печати Володарский, а 30 августа 1918 года в Москве совершено покушение жизнь Ленина. Как было сообщено, в вождя стреляла эсерка, бывшая анархистка, прошедшая каторгу Акатуя Фанни Ройд (Каплан).

Две недели в газетах публиковались бюллетени о состоянии здоровья Ленина. А параллельно им шел материал о похоронах Урицкого в Петрограде, во время которых звучали призывы: «На белый террор контрреволюционеров ответим красным террором революции!», «За каждого нашего вождя - тысячи ваших голов!». И вот появился приказ, разосланный наркомом внутренних дел Григорием Петровским всем Советам, в котором было немало грозных слов: «Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников... При малейших попытка сопротивления безоговорочно массовый расстрел...» Вслед за приказом в органе Советов газете «Известия» была опубликована статья ведущего большевистского публициста Карла Радека «Красный террор», провозгласившая: «Пусть будет поднят красный меч массового террора и пусть беспощадно падет он на головы контрреволюционной буржуазии во имя победы народных масс!»

На следующий день «Известия» сообщили о публикации в петроградской газете «Северная Коммуна» первого списка заложников. Его возглавили пять великих князей - родственников царя, министры Временного правительства, банкиры, промышленники. Подобные этому списки стали составляться во всех губерниях, во всех уездах. И газеты запестрели сообщениями о приведенных в исполнение приговорах местных Чрезвычайных комиссий. Эти сообщения не оставляли сомнений в том, что при таком упрощенном раздирательстве в ряд «контрреволюционеров, подлежащих ликвидации», попадало немало невинных людей.

Наконец, в «Известиях» появилось сообщение: «Тов. Ленин почти поправился, ему разрешено заниматься делами». И вот тогда Кропоткин, допуская, что Ленин в первые дни после ранения газет не читал и о развернувшемся «красном терроре» ему не все известно, счел необходимым обратиться к нему с письмом. Кропоткин выделал Ленина среди других вождей революции и надеялся на возможность взаимопонимания. Вот его письмо:

“ «Многоуважаемый Владимир Ильич!

Я прошу у Вас свидания, чтобы поговорить об очень серьезном вопросе - «красном терроре».

Я уверен, что Вы сами много об этом думали не с легка на него решились, но тем не менее я решился высказать Вам, какое у меня, любящего Родину и революцию, сложилось отношение к террору после пережитого и передуманного об этом...

Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно. И, как и следовало ожидать от массы людей, мало знающих и мало думающих о таких вопросах, у них неизбежно заговорило прошлое и явилась мысль об ответном терроре. Но, к несчастью, и вожаки Вашей партии ответили не лучше массы...»

Далее Кропоткин обратился к опыту Великой Французской революции и напомнил, что террор Комитета общественной безопасности погубил эту революцию: «Не сознавая того, что они делают, Ваши товарищи-террористы подготавливают то же самое в Советской республике... В русском народе большой запас творческих, строительств сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложены на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных у нем людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем, она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции...

Открыть эру красного террора значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ей пути...»

Ответа не было.

Но вообще Ленин хорошо относился к Кропоткину, ценя, по-видимому, оказанную им, хотя и не без серьезных оговорок на первых порах, поддержку советскому правительству, отказ эмигрировать и призыв к рабочим западно-европейских стран не участвовать в интервенции против советской республики. Так же он был терпим и к В. Т. Короленко, тоже выступавшему с критикой новой власти, и к В. Н. Фигнер.

Еще в 1918 году Ленин подписал охранную грамоту, устанавливающую, что дом в Дмитрове, занимаемый Кропоткиным и его семьей, «не подлежит никаким ни реквизициям, ни уплотнению»: «...как имущество его, так и покой старого, заслуженного революционера должны пользоваться покровительством советских властей». По личному распоряжению председателя Совнаркома в Дмитров Кропоткину доставлялись медикаменты и продовольствие, в том числе присланное с Украины Нестором Махно. Кропоткин встречался с Лениным и не однажды (по крайней мере два раза, а может быть, и три), сохранились и его письма к Ленину.

Вторая встреча, состоявшаяся 3 мая 1919 года, была записана по памяти Бонч-Бруевичем, предоставившим для нее свою квартиру в Кремле.

...Узнав о желании Ленина встретиться с ним, Петр Алексеевич собрался в Москву. Остановился, как всегда, в Леонтьевском переулке у сестер Выдриных. Позвонил в Кремль

Бонч-Бруевичу о своем приезде: «Мне нужно о многом переговорить с Лениным».

В назначенный день за ним был прислан автомобиль. Поехали в Кремль.

...Когда по крутой лестнице на второй этаж поднялся человек, которого именовали в газетах «серебряным князем русской революции», Ленин вышел ему навстречу, взял под руку, проводил в комнату, и усадил в кресло. Сам сел за стол напротив.

Еще до приезда Кропоткина Ленин говорил с Бонч-Бруевичем о его книгах, публицистической силой которых всегда восхищался. Считая их очень нужным и полезным: «Нет более ничего зловредного, как думать, что история нашей страны начинается с того дня, когда свершилась Октябрьская революция».

Кропоткин сразу же перешел на свою излюбленную тему - о кооперации. В ней он видел единственно верный путь строительства новой жизни на социалистических началах. Ленин согласился, но указал на то, что пока идет гражданская война, вопросы классовой борьбы стоят на первом плане, и надо иметь в виду, что такая форма, как кооперация, может быть использована врагами трудящихся - кулаками, торговцами. Этой опасности Кропоткин не видел, не разделяя классового подхода к кооперации.

Затем он повел речь о излишних жертвах в условиях гражданской войны... Ленин встал из-за стола и заходил по комнате, заговорил взволнованно: «В белых перчатках революцию не сделаешь! Мы прекрасно знаем, что мы сделали много ошибок. Все, что можно исправить - исправим»

Ленин убеждал, что о нормальной строительной работе можно говорить только после окончательной победы в гражданской войне. А пока нужна борьба беспощадная, бескомпромиссная...

А Кропоткин снова свое: «Конечно, вы правы, без борьбы дело не обойдется... Но вот вы говорите, что без власти нельзя, а я говорю, что можно... Вы посмотрите, как всюду и везде разгорается безвластное начало... Кооперативное движение огромно и в высшей степени важно по своей сущности».

Ленин насмешливо блеснул глазами, как бы недоумевая, что это он все о кооперации да о кооперации: «Это все прекрасно. Конечно, кооперативное движение важно... Что об этом говорить! Это совершенно очевидно, раз оно будет настоящее кооперативное движение, связанное с широкими народными массами населения...»

Очевидно, в беседе Кропоткин напомнил Ленину о своих опасениях относительно возможного превращения Советской власти в подобие самодержавия в случае, если она будет опираться не на народную инициативу, а на диктатуру одного класса и террор. Об этом Бонч-Бруевич умолчал, но вспомнил, что по дороге Ленин сказал ему: «Как он писал раньше, как свежо и молодо думал! И как устарел... Ведь если только послушать его на минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и мы все, и он между нами, будем болтаться на фронтах, и он только за то, что называет себя анархистом...» А потом добавил: «И все-таки он для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые

он сделал... Вы, пожалуйста, не оставляйте его, смотрите за ним и его семьей, и обо все, сто только для него нужно, сейчас же сообщайте мне, и мы вместе обсудим все и поможем ему».

А Кропоткин, вернувшись на квартиру в Леонтьевском переулке, по словам встретившего его там А. Атабекяна, спросил его: «Не осуждаете ли меня? Виделся с Лениным по расстрелам заложников. Уже расстреляны многие великие князья...»

Атабекян сказал, что по такому делу даже к царю пошел бы.

— Так, значит, не осуждаете... Я их немного припугнул...

И в самом деле (может быть, по иной какой причине) газеты на время перестали публиковать списки расстрелянных заложников, ЧК занялся главным образом борьбой с бандитизмом.

Этика человечности

Петр Алексеевич всегда помнил, что Михаил Бакунин к концу жизни мечтал написать «Этику».

О взаимоотношениях людей между собой любой мыслящий человек думает всю жизнь. И когда жизнь завершается, возникает потребность подвести итог этим размышлениям, выделить наиболее важное самое существенное в этой жизни.

«Я взялся за этику, потому что считаю эту работу безусловно необходимой, - писал Кропоткин в начале мая 1920 года Александру Атабекяну. - Я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли... Надо подготовить почву, и раз мой ум меня влечет и в этой области искать новых путей, надо это сделать; хоть наметить пути. Жить мне осталось немного - сердце отрабатывает число биений, на которое оно было способно... Так вот на этику положил теперь я свои силы»

Когда его спрашивали, не хочет ли он написать этику революционную, он отвечал, что нужна этика «просто человеческая», реалистическая, лишенная мистики, присутствующей во всех религиях, общая для всех людей. Кропоткин признавал, что вечные идеалы нравственности нашли наиболее яркое выражение как в учении Христа, так и в буддизме: «Вместо жестоких и мстительных богов, велениям которых должны были покоряться люди, эти две религии выдвинули - в пример людям, а не в устрашение,- идеального богочеловека».

«В словах «не мсти врагам своим» - истинное величие христианства», - писал он в 1920 году, когда в России еще не отбушевала самая беспощадная из всех войн - гражданская.

Принимая христианский идеал нравственности, Кропоткин считал его все-таки недостаточно всеобъемлющим. Поскольку главные нравственные принципы всех религий очень близки, то очевидно, думал он, у них единая основа, общий источник. С позиции естествоиспытателя он видел эту основу в природе.

Кропоткин больше склонялся к философии позитивизма. В работах Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера его привлекали идеи синтеза наук на естественнонаучной основе. Но если позитивисты, касаясь этических проблем, не связывали истоки нравственности с природой, то Кропоткин свою концепцию построил целиком на природном фундаменте.

Первый том «Этики» состоит из 13 глав. Три первых - теоретические, остальные - исторические. Первая глава - «Современная потребность в выработке основ нравственности» - начинается с обзора последних достижений естественных наук. Они очень велики: ведь создан целый ряд новых отраслей знаний, а прежде учения о происхождении жизни, о положении человека в мире, о сущности разума изменились коренным образом.

И в то же время, замечает автор, не совсем верно было бы говорить, что в всех отраслях наука имеет в XIX веке больше успехов, чем на протяжении прежних веков. И чтобы подтвердить это свое положение, он возвращается на две с половиной тысячи лет назад, ко времени расцвета философии в Древней Греции. Тогда пробуждение ума было столь же могучим, как в XI веке. Здравая философия природы создана именно тогда. И к ней нужно вернуться, чтобы осознать и суметь использовать тот «дерзкий, смелый дух изобретательности», что вызван к жизни недавними успехами наук. А эти успехи привели к резкому росту производительности труда, и появилась возможность заметного увеличения благосостояния народов. С другой стороны, Кропоткин обращает внимание на сделанные в конце XIX столетия открытия в области физики - мира бесконечно малых частиц, взаимодействующих друг с другом и образующих основу всего мироздания, всей Вселенной. Этот принцип Кропоткин переносит на человеческое общество: «Современная наука дала человеку очень ценный урок скромности. Она учит его считать себя лишь бесконечно малой частицей Вселенной. Она выбила его из узкой эгоистической обособленности и рассеяла его самомнение, в силу которого он считал себя центром мироздания...»

Целостность общества определяется взаимодействием многих составляющих его единиц - личностей.

Именно изучение природы, заложившее основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, должно дать естественное объяснение источников нравственного начала личности и указать, «где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство для все большей и большей высоты и чистоты».

Вторая глава «Намечающиеся основы новой этики» отвечает на вопрос, что мешает прогрессу нравственности, рассказывает о том, как развивался инстинкт общительности в животном мире и в человеческом обществе, и утверждает в качестве основной, реалистической этики Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность.

Именно эта этика призвана совместить два противоположных стремления, присутствующих в каждом человеке - к общительности, с одной стороны, и к становлению и развитию личности, - с другой: «Такое двойственное стремление - отличительная черта жизни вообще. Она всегда присуща ей и составляет одно из основных свойств жизни (один из ее атрибутов), какой бы вид ни принимала жизнь на нашей планете или где бы то ни было». Вместе с тем Кропоткин указывает на одно важнейшее условие современной теории нравственности: «Она не должна сковывать самодеятельности личности, даже ради такой высокой цели, как благо общества или вида».

Здесь замечается существенное отличие этики Кропоткина от той, которую до недавнего времени именовали коммунистической, утверждавшей беспрекословное подчинение личности обществу, сегодняшней жизни высоким целям будущего.

Исследуя происхождение нравственного чувства у человека, Кропоткин ссылается на идеи Дарвина, в книге которого «Происхождение человека» он нашел слова, указывающие на то, что создатель теории «борьбы за существование» рассматривает возникновение нравственности исключительно сточки зрения естествознания, а именно) - из чувства общительности, врожденного и у высших животных и у человека, полученного ими от природы. Дарвин отметил этот особый инстинкт, отличный от других, но мысль свою не развил, и она осталась многими незамеченной.

Происхождение нравственности пытались объяснить древнегреческие философы, средневековые схоласты, лучшие мыслители XVII века в Англии, французские материалисты и энциклопедисты XVIII столетия, позитивисты и эволюционисты столетия минувшего: Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Коперник, Галилей, Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Мишель де Монтель, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Огюст Конт, Чарльз Дарвин... Множество имен, за которыми стоят десятки систем этики, рассмотренных Кропоткиным. «Философия надежды» Жанна Мари Гюйо оказалась ему ближе всего.

В книге «Очерк нравственности без обязательства и без санкции» Гюйо утвердил, что жизни присуще стремление к беспредельному расширению и постоянному развитию; только в этом случае она плодотворна в самоутверждении. Все живое едино, и каждый индивидуум проникается влияниями других, солидарных с ним созданий. «Тяготение чувствований и воли», солидарность ума, взаимная проницаемость сознания объединяет человечество. Поэтому для того, чтобы поступать нравственно, человек не нуждается ни в каком принуждении.

«Мы чувствуем, что у нас больше энергии, чем ее нужно для обыденной жизни, и мы отдаем эту энергию другим: отправляемся в отдаленное путешествие, служим делу просвещения и образования и любому другому общему делу».

В природе человека - расходовать свои силы за пределы личного бытия. Борьба и риск необычайно привлекательны потому как раз, что дают возможность выплеснуть свою жизнь «за край», не спасаясь гибели.

Итак нравственность - внутренняя гармония человеческого существования, в то время как безнравственность - отсутствие этой гармонии, раздвоение, неуравновешенность противоречий.

«Нет никакого сомнения, что наибольшее счастье общества... - первая основа всякой этики». А оно зависит от счастья каждого, и наоборот, счастье каждого не может не быть связано со счастьем всех. Сделав этот вывод, Кропоткин подходит к решению вопроса о совести, который считает очень важным: «Между тем, если нравы создаются историей развития данного общества, то совесть, как я постараюсь доказать, имеет свое происхождение гораздо более глубже в сознании равноправия, которое физиологически развивается в человеке, как и во всех общительных животных...»

Но доказать не пришлось. Рукопись оборвалась на этой фразе в начале февраля 1921 года...

Остались наброски отдельных глав второго тома, по которым можно представить себе содержание всей книги. В основе ее лежит спор Кропоткина с социал-дарвинистами по вопросу об «аморальности природы». Глубоко убежденный в том, что природа нравственна, он именно в ней находил истоки всех самых высоких нравственных устремлений человека. Именно природа на заре человечества дала ему первые уроки нравственности. Последующая эволюция их закрепила. В этом смысле этика Кропоткина может быть названа и натуралистической, элементы которой обнаруживаются еще у Руссо, а потом у Дарвина и Бюхнера. Эти философы отрицали сверхъестественное происхождение нравственности. С таким же отрицанием выступил и Петр Кропоткин.

Человек порожден природой, неотделим от нее и подчиняется ее законам, в том числе и моральному. А он гласит: для каждого индивидуума злом является то, что препятствует прогрессивному развитию вида, добром - то, что ему способствует. Ну а как Кропоткин установил уже в своих биосоциологических работах, фактором прогрессивного развития в природе оказывается не столько борьба, сколько общительность, взаимная помощь, поддержка, солидарность.

Нравственный закон природы проявляется не в форме абсолютно присущего всем живым существа образа поведения, а как «совет» основанный на длительном опыте, превращающийся в привычку, без которой «никакое общество не могло бы прожить, никакой вид животных не мог бы выжить». Те, кто не следует совету природы, погибают.

Кропоткин признает наличие и противоположных тенденций. Они обусловили «стремление к преобладанию личности над близкими или над многими». Так, наряду с «этикой равноправия и, следовательно взаимного благоволения» существует в человеческом обществе «этика грабежа, насилия и рабства».

Но она, по мнению Кропоткина, не имеет будущего, не может восторжествовать, так как это привело бы к деградации человечества, к его самоуничтожению. Зародившись еще в животном мире, чувство социальной симпатии в человеческом обществе, «постепенно развиваясь вместе с усложнением общественной жизни, становится все более и более разнообразным, разумным и свободным в проявлениях... При помощи разума мы создам из

прирожденных нам чувств и склонностей то, что мы называем нравственными понятиями».

То, что это так, подтверждает принцип, общей, по сути, для всех религий и впервые записаны еще за две тысяч лет до новой эры в древнем индийском эпосе «Махабхарата»: «Обращайся с другими так, как хотел бы, чтобы обращались с тобой; относись к соседу так же, как к самому себе». Его Кропоткин провозглашает высшим нравственным правилом (максимой) своей этической системы.

Конечно, известной схематичности у прощения Кропоткину избежать не удалось. Но даже самые строгие критики находили в его «Этике» немало привлекательного.

Этика Кропоткина активна, революционна по своей сути. Она направлена против искажений во взаимоотношениях между людьми, против уродливых форм управления, навязанных государством: «Мы вступаем в борьбу со всем этим грязным потомком обмана, хитрости, эксплуатации, развращения, порока, - со всеми видами неравенства, которые влиты в наши сердца управителями, религиею и законом. Мы объявляем войну их способу действовать, их форме мышления!»

Однако, он призывал к борьбе не с людьми, а лишь с формами общественной жизни, в которые люди оказались вовлеченными. Необычайно доверяя человеку, он как будто даже не замечал таящейся в нем бездны пороков, которую обнажил Достоевский. Совершенно отрицая эффективность наказания за реальные и мнимые проступки, в которых проявляется насилие общества над личностью, Кропоткин признавал неизбежность революционного насилия, хотя и с очень большими ограничениями: он выступал против подавления побежденных революцией классов, против введения диктатуры в какой бы то ни было форме. Да, принудительная эксплуатация - первый шаг революции, без которого она невозможна. Но в то же время он был убежден, что продолжение насилия после победы революции неизбежно приведет к ее гибели. И он не снимал ответственности с лиц, прибегающих к насилию, какими бы высокими целями оно не объяснялось: они должны быть готовы к расплате собственной жизнью. Примером в этом отношении для него был его друг по кружку «Чайковцев».

Нравственный идеал Кропоткина располагался на двух уровнях. Нижний уровень - справедливость: отношения между людьми строятся на основе свободы, равенства и взаимопомощи. На высший уровень - собственно нравственности - человек понимается, когда мера взаимности превзойдена «без меры и счета», ощущая тем самым высшее счастье.

«Индивидуальность развивается, - писал он в одном из писем Черкизову еще в 1902 году, - только в столкновении со множеством людей, окунаясь в жизни всех близких и мировую - чувствуя, борясь, работая...»¹ необходимо лишь дать личности свободу, самостоятельность, снять с нее давление власти.

1 Кропоткин П. А. Этика, т. 1., М., 1922, С. 252.

Чувствуя, борясь, работая... Сам он жил именно так.

Самый последний год

В 1920 году изгнанием Врангеля из Крыма завершилась гражданская война в России. Победу одержали большевики: наиболее радикальное крыло российских социал-демократов, с которыми Кропоткин познакомился в Лондоне почти полтора десятилетия назад. Тогда ему больше всего не понравилось их пренебрежительное отношение к крестьянству, ни и исключительная нетерпимость к иным взглядам, «византийщина». Конечно, их партия оказалась наиболее решительной в ситуации кризиса Временного правительства и сумела захватить власть. Провозглашена социалистическая революция, но курс взят на жесткую диктатуру, предельную концентрацию власти, подавление других, тоже социалистических партий и главное - народной инициативы. Получается, что его прогноз оправдывается. Но экономика страны - в состоянии поной разрухи, более 30 млн ее жителей охвачено голодом. Рабочие бастуют, крестьяне протестуют против губительной для них системы продразверстки. В конце лета крестьянское восстание, возглавленное эсером А. С. Антоновым, охватило Тамбовскую губернию. На его подавление были брошены войска Красной армии под командованием М. Н. Тухачевского, с артиллерией, танками, самолетами... Война с защитниками царского режима сменилась войной с крестьянской массой, с народом.

Наметивший было вернуться к естественно-научным исследованиям, разработав в конце 1919 года проспект книги «Озерный и ледниковый период» П. А. Кропоткин считал необходимым продолжить работу над вторым томом «Этики». Ее он признавал особенно важной в сложившейся обстановке. В то же время он участвует в общественной жизни Дмитрова: выступает на уездных съездах кооператоров и учителей, помогает местным краеведам обустроить городской музей. В выступлении на «съезде учащихся» (так он официально называется) в сентябре 1920 года, как и в предыдущем - в августе 1918 года значительное место отведено вообще образовательному значению музеев. Еще в письме сибирским кооператорам в июне 1918 года он вспомнил, как много, ему, начинающему естествоиспытателю, дал небольшой музей при Сибирском отделе Русского географического общества: «учиться геологии и физгеографии во всем Иркутске не было никаких руководств, и я нашел случайно попавшее в Сибирь... наставление по геологии и минералогии «Путешественникам пешком», изданное английским географическим обществом, и в нем были поразительно умные наставления о геологической разведке гениального Дарвина»¹.

1 Бюл. Всерос. обществ. комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. М. 1924, N 1 С. 5-6.

Российские географы предпринимают попытки вовлечь его в научную жизнь. В апреле 1920 года Петр Алексеевич получает от профессора Московского университета М. С. Бондарского приглашение выступить в число преподавателей на кафедре географии, «предоставив право читать любой курс из географии, какой Вам будет угодно избрать. «26 апреля отправлен ответ: «...к сожалению, должен сказать, что мое здоровье - особенно после пережитых двух зим - не позволяет регулярного труда, требуемого профессурой.»². Приглашение подтвердил академик Д. Н. Анучин, крупнейший российский ученый, по-

кропоткински разносторонний (географ, антрополог, этнограф, археолог). И ему 25 мая направлен отказ: «...Конечно, с радостью, хотя бы одни год прочел курс физической географии. Но, увы, ни годы, ни состояние здоровья не позволили бы этого!»¹

2 РО РГБ, ф. 410, к. 3, ед. хр. 1

1 Цит. По Изв. ВГО, т. 100, в. 2, 1968.

Из Петрограда приходил письмо директора только что организованного большого и уникального по своему содержанию Центрального Географического музея В. П. Семенова-Тян-Шанского, сына «патриарха российской географии» Петра Петровича Семенова, под руководством которого работал Кропоткин в Географическом обществе России полвека назад и которых ему хотел передать свой пост секретаря Общества. Вениамин Петрович напомнил, что в раннем детстве, когда Петр Алексеевич был частым гостем в их семье, он много с ним общался. Теперь он сообщил, что музейный Совет постановил присвоить П. А. Кропоткину звание почетного члена Музея. В ответ в месте с благодарностью из Дмитрова от старейшего члена Русского географического общества пришла поддержка смелой «мысли Музея» и пожелание успеха: «Он будет приучать нас смотреть на Земной шар как на живое целое».

Примерно в то же время Петр Алексеевич получил письмо из Швеции, в котором содержалось приглашение от Шведской младосоциалистической партии переехать в их страну, а месте с ним - обращение к правительству Советской России с просьбой не препятствовать его выезду с семьей за границу. Несмотря на то, что Кропоткину жилось тогда очень тяжело (кроме того, что не хватало продовольствия, работать над «Этикой» ему приходилось без библиотеки, машинистки, электричества), его ответ был вполне определенным. Он решительно отказался покинуть Россию, несмотря на то, что за три года пребывания на родине существенно изменил свои взгляды на положение в стране. К середине 1920 г у него сложилось определенно отрицательное отношение к происходящему процессу формирования централизованного государства. Оно изложено им в письме-послании, переданном делегации английских лейбористов, посетивший его в Дмитрове в июне 1920 года.

Делегация из 9 человек была направлена Лейбористской партией Великобритании в Россию с целью определить характер происходивших в ней событий. Ей удалось проехать по стране, посетить горда Поволжья и Центральной России, встретиться с руководителями правящей и оппозиционных партий и с частными лицами, среди которых и был prince Kropotkin, как называли его на Западе в годы эмиграции. Послание (Kropotkin's Message) в качестве одного из приложений к отчету о поездке было опубликовано в Лондоне в том же 1920 году.

Сравнение текста отчета и послания Кропоткина убеждает в том, что именно мнение «дмитровского отшельника» английским лейбористам показалось более всего отвечающим действительному положению дел в России.

«Россия переживает революцию, такой же глубины и такой же важности, - писал Кропоткин, - как Британия в 1639-48 и Франция в 1784-94 гг. Россия продолжила две эти великие революции, но попытка следующего шага с того места, на котором остановилась Великая Французская революция (установление экономического равенства), к несчастью, не удалось». Причина неудачи - установление диктатуры одной партии. Новое централизованное государство «естественным образом, унаследовало все зло» тысячелетия господства в России самодержавия. Кропоткин подчеркивает, что «низвергнуть слабое временное правительство и занять его место было нетрудно», но «к строительству новых форм жизни всевластное централизованное правительство, стремящееся обеспечить каждого жителя ламповыми стеклами и спичками, вместо того, чтобы позволить народу проявить свою инициативу, окажется неспособным» 1.

1 *«British Labour Delegation to Russia», London, 1920. С. 89-92.*

Под послание стоит дата - 10 июня 1920 г. До кончины П. А. Кропоткина осталось 8 месяцев. Именно в этот период произойдет дальнейшее изменение его понимания положения в России.

Оценка положения в стране, которая дана П. А. Кропоткиным в переданном лейбористам послании, развернута в его заметках, датированных 23 ноября того же 1920 года. Это, по-видимому, последняя рукопись Кропоткина, опубликованная под названием «Что же делать?» в 1923 году в берлинском журнале «Рабочий путь» (N 5) как его политическое завещание.

Кропоткин рассматривает революция в России как стихийный процесс, подобный землетрясению или тайфуну, «набегающему на берега Восточной Азии». Это - катастрофа, которую подготовили «все предшествовавшие революции...» Этому стихийному движению ничто и никто не может противостоять.

Любопытна также мысль Кропоткина: «В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 100 раз сильнее ее». Пять месяцев назад в послании, переданном лейбористам, совершенно определенно говорилось, что именно правящая партия, подавляя инициативу масс и прибегая к командно-бюрократическим методам управления, мешает развитию революции, строительству снизу и т. д.

Он писана ситуация хаоса, в котором должны были возникать признаки самоорганизации. Веривший совсем еще недавно в неизбежность победы местных творческих сил, теперь он убежден в том, что время упущено, остановить стихийное развитие событий оказалось невозможным, и «роковым образом придет реакция». Ее приход абсолютно неизбежен. «Точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны...»

П. А. Кропоткин предсказал наступивший за этим длительный период тоталитаризма («самодержавия в худшем его виде»), хотя он не смог проанализировать два события, пришедшие как раз на последние месяцы его жизни и первые - после его кончины. Повстанческое движение крестьян в Тамбовской губернии в 1920-21 гг. и Кронштадский

мятеж в марте 1921 года, жестоко подавленные властью, выдвигали требования устранения партийных руководителей из советов, восстановления свободной торговли, отменены продразверстки. Реакция восторжествовала над хаосом революции, уничтожив последние надежды на творчество новых форм жизни.

Кооперация, на которую он так надеялся, к концу года полностью была разгромлена. Даже дмитровских кооператоров и сотрудников краеведческого музея (среди них - Анна Шаховская) в ноябре 1920 года без какой-либо причины арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму.

21 декабря Кропоткин отправляет письмо старому другу Вере Николаевне Фигнер, которая интересовалась, сможет ли он приехать в Москву, чтобы прочитать лекцию.

«Насчет моего приезда, - пишет Петр Алексеевич, - должен сказать, что здоровье мое за последнее время так ненадежно, что и думать не могу о поездке. Сердце беспрестанно мучает, и притом должно быть, еще малярия через день. В придачу случились еще невралгии - жестокие каких я не помню с Женевы, больше сорока лет тому назад...

Ну а лекцию - подавно не прочесть! Недавно я говорил на юбилее Дмитровского союза кооператоров. Еле договорил минут 20, с отчаянной болью в сердце...» 1

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 173.

На собрании кооператоров, где Кропоткин выступил с речью, которая окажется его последним публичным выступлением, «вышел большевик и спокойно сказал, что это, мол, похороны союза...». Свободно сложившийся союз решено превратить в бюрократическую организацию, в одну из канцелярий губернского продкомитета. Говоря об этом с горечью, Петр Алексеевич вспоминает: «Начиная с 1-го Интернационала (с 1872 г.), мы постоянно боролись против правила социал-демократов: раз не наше - пусть лучше не существует! Таков неизбежный лозунг Государственной революции...». И вот дошло дело до кооператоров. А ведь совсем недавно доказывал он Ленину, насколько важно сохранить эту форму народного творчества. И он вроде бы соглашался, но назвал это все мелочами, пустяками, переключившись на свою главную тему - беспощадной классовой борьбы. В ушах звучал его резкий, напряженный голос:

«Борьба прямая и открытая, борьба до последней капли крови - вот что нам нужно!... от подпольной работы до красного массового террора... до гражданской войны, до войны на всех фронтах, до войны одних против всех...». Вспомнился Петру Алексеевичу человек из далекого прошлого - Сергей Нечаев, иезуитскому катехизису которого пытался противопоставить свою, ненасильственную, программу кружок чайковцев. Всю жизнь разрабатывал он нравственные основы анархизма, а теперь завершает «Этику» - анархическую, а значит общечеловеческую реалистическую, гуманистическую, этику взаимопомощи и солидарности... Но какова будет ее судьба? Ведь Ленин говорил ему: «Только такая борьба увенчается успехом. Все остальные способы, в том числе и анархические, сданы историей в архив, и они никому не нужны, никуда не годятся, никого не привлекают только разлагают тех, кто так или иначе увлекается на этот старый,

избитый путь...» В тот же день им написано последнее его письмо к Ленину, в котором поднимается вопрос о практикуемом ЧК захвате заложников с последующим их расстрелом. Оно было доставлено в Кремль, но никакого ответа не последовало.

Завершался двадцатый год...

В самом начале наступившего 1921 года к постоянно мучавшей болезни сердца добавилось воспаление легких. В. Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом Ленину, который распорядился отправить в Дмитров для Кропоткина, специальный поезд с продовольствием с указанием, что он не подлежит осмотру и конфискации, а также лучших врачей во главе с наркомом здравоохранения Н. Я. Семашко и профессором Д. Плетневым. Состоялся консилиум, после чего врачи уехали и с больным остался его друг, врач по специальности, Александр Атабекян. «Известия ВЦИК» стали каждый день публиковать бюллетени о состоянии здоровья больного. 23 января наступило улучшение и появилась надежда на выздоровление. Петр Алексеевич смог заняться корреспонденцией, а в прессу попали его слова: «Меня огорчает, что людям, столь занятым и заваленным работой, пришлось пожертвовать драгоценным для них временем и, быть может, отдыхом... Я не понимаю, от чего меня лечат...» . Но улучшение было недолгим. Через неделю внезапно снова поднялась температура - начался второй этап воспаления.

Теперь с каждым днем ему становилось все хуже. Он надолго терял сознание, периоды просветления становились все короче и короче. В один из таких моментов Петр Алексеевич принялся рассказывать о своей самой большой сибирской экспедиции, и на конверте Общества сближения с Англией начертил свой Олекминско-Витимский маршрут: от лены на Витим, потом на юг, через Мую к Чите. По-видимому, ему вспомнилось наиболее яркое впечатление жизни...

П. А. Кропоткин скончался в ночь на 8 февраля, в 3 часа 10 минут. Через день прибыл специальный поезд, на котором гроб с тело был доставлен в Москву и установлен в Колонном зале Дома Труда (потом - Дом Союзов), в том самом зале Дворянского собрания, где семьдесят лет назад мальчик Петя в восточном костюмчике заснул на коленях российской императрицы и был пожалован монаршей милостью - определен учиться в Пажеский Его Величества корпус...

Совершенно невероятное совпадение отметило столь же невероятные повороты судьбы этого человека. Можно было предположить, что этот мальчик, облагодетельствованный царем, станет крупным государственным деятелем или дипломатом, вполне возможно, писателем или ученым. Но чтобы провожать его в последний путь придет так много людей, позабывших о том, что он князь и рюрикович, и называвших его «товарищ Кропоткин», при том, что он не имел никаких официальных званий и должностей, а к новой власти, отменившей сословные привилегии, находился в оппозиции, - это представить было невозможно.

Три дня шло прощание с покойным в Колонном зале. 13 февраля состоялись похороны. И снова парадокс. Похоронную процессию, растянувшуюся во всю длину Волхонки, Пречистенки, Б. Царицынской (Б. Пироговской), в которой участвовали и представители

правлящей партии, возглавляли заключенные Бутырской тюрьмы - анархисты. Они отпущены были по просьбе дочери Кропоткина и разрешению, данному Дзержинским и Лениным, только на время похорон своего идейного вдохновителя, под честное слово. К условному часу все они вернулись в тюремные камеры.

И еще один момент, тоже необычный. Когда траурный кортеж подошел к дому Льва Николаевича Толстого на Пречистинке, работники музея вынесли бюст великого писателя, а хор Большого театра исполнил фрагмент православного канона «Вечная память», что было не в новых, советских обычаях.

Более двух часов двигалась траурная процессия к Новодевичьему кладбищу: семикилометровый путь... Был ясный, морозный день, и зимнее солнце освещало заполненные народом улицы, множество красных и черных знамен, десятки венков.

А потом...

Утвердилось посредство насилия и террора на территории Российской империи новое государство, хотя и облаченное поначалу в новые одежды, по сути, не отличавшееся от старого; в нем очень быстро возродились те же бюрократические методы управления народом. Все это противоречило идеям Кропоткина предостерегавшего от такого развития событий. И тем не менее, его имя не было вычеркнуто из истории страны. Правда, парадоксальным образом сохранилось только имя, а то, что с ним связано, а именно - его идея, предавались забвению. И это, несмотря на достаточное долгое существование Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, возглавлявшегося В. Ф. Фигнер и вдовой Петра Алексеевича С. Г. Кропоткиной (почетным председателем), в ведении которого находился мемориальный музей Кропоткина в доме, где он родился, (Кропоткинский переулок, 26).

В начале 30-х годов С. Г. Кропоткина съездила в Лондон и организовала перевозку в Москву оставшегося там архива: он размещен был в музее, который предполагалось превратить в научно-исследовательский центр. Здесь время от времени проходили собрания памяти Кропоткина, но с ограниченным количеством участников, да и посещаемость была не очень высокой. Музей часто закрывался по разным причинам.

Хотя формально запретов не было, но неодобрительное отношение власти чувствовалось. А затем, осенью 1930 г., начались аресты членом Кропоткинского комитета и примыкающих к музею активистов. Были арестованы последние оставшиеся на свободе после ряда «чисток» анархисты, и среди них - Алексей Боровой, наиболее яркий представитель индивидуалистического анархизма, высоко образованная многогранная личность, профессор, автор нескольких книг, «оратор милостью божьей», по выражению В. Н. Фигнер.

После передачи Музею в ведение государства его деятельностью практически прекратилась, и в 1940 году он был закрыт.

П. А. Кропоткин.

Взаимная помощь в современном обществе 1

1 Фрагмент главы VII из книги П. А. Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», пер. с англ. В. Батуринского под ред. автора (пересмотренное и дополненное издание). Пб.-М., Изд. «Голос труда», 1922. Первое издание этой книги под названием «*Mutual Aid: factor of evolution*» вышло в Лондоне в 1908 году. Прим ред.

“ Склонность людей ко взаимопомощи имеет такое отдаленное происхождение, и она так глубоко переплетена со всею прошлою эволюцией человеческого рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории. Эта склонность развилась, главным образом, в периоды мира и благосостояния; но даже тогда, когда на людей обрушивались величайшие бедствия, - когда целые страны бывали опустошены войнами и целые населения их вымирали от нищеты или стонами под ярмом тирании, - так же склонность, так же потребность продолжала существовать в деревнях и среди беднейших классов городского населения; она все-таки скрепляла их и в конце концов оказывала воздействие на то правящее, войнолюбивое и разоряющее меньшинство, которое относилось к этой потребности как к сентиментальному вздору. И всякий раз, когда человечеству приходилось вырабатывать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса все из той же самой, вечно живой склонности к взаимно помощи...

Поглощение всех общественных отправлений государством неизбежно благоприятствовало развитию необузданного узкого индивидуализма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане очевидно освобождались от обязанностей по отношению друг к другу...

«Практически» люди и теоретики, люди науки и религиозные проповедники, законоведы и политические деятели все согласны в одном, а именно, что индивидуализм в его наиболее грубых проявлениях можно, конечно, смягчать благотворительностью, но что он является единственным надежным основанием для поддержания общества и его дальнейшего прогресса. Казалось поэтому делом безнадежным - разыскивать институции и практические проявления начала взаимной помощи в современном обществе. Что можно ожидать от них? И все же, как только мы начинаем присматриваться, как живут миллионы человеческих существ, и изучаем их повседневные отношения, нас поражает, прежде всего, огромная роль, которую играет в человеческой жизни, даже в настоящее время, начало взаимной помощи и взаимной поддержки... Поступки, при совершении которых люди руководятся своею склонностью к взаимной помощи,

составляют такую огромную часть нашего повседневного обихода, что если бы возможно было внезапно положить им конец, то этим немедленно был бы прекращен весь дальнейший нравственный прогресс человечества...

Все эти ассоциации, общества, братства, союзы, институты и т. п., которые можно насчитывать десятками тысяч в одной Европе, причем каждый из них представляет собою огромную массу добровольной, бескорыстной, бесплатной или очень скудно оплачиваемой работы - разве все они не являются проявлениями в бесконечно-разнообразных формах все той же, вечно живущей в человечестве потребности взаимной помощи и поддержки?... Они начинают приобретать международный характер, и несомненно способствует... ломке международных преград, воздвигнутых государствами... Сознание международной солидарности растет как среди отдельных передовых людей, так и среди рабочих масс с тех пор, как они завоевали себе право международных отношений...

Благотворительные общества, которые в свою очередь представляют целый своеобразный мир, должны быть также упомянуты здесь. Нет ни малейшего сомнения, что громадным большинством членов этих обществ двигают те же чувства взаимной помощи, которые присущи всему человечеству...

Короче говоря, ни сокрушающие силы централизованного государства, ни учения взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которые исходят, украшенные атрибутами науки, от услужливых философов и социологов, не могли вырвать с корнем чувства человеческой солидарности, глубоко корнящегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущею эволюциею. То, что было результатом эволюции, начиная с ее самых ранних стадий, не может быть уничтожено одной из преходящих фаз той же самой эволюции. И потребность во взаимной помощи и поддержке, которая скрывалась, было, в узком круге семьи, среди соседей бедных улиц и переулков, в деревне или в тайных союзах рабочих возрождается снова даже в нашем современном обществе и провозглашает свои права - стать, как это всегда было, главным двигателем на пути дальнейшего прогресса...

В практике взаимной помощи, которую мы можем проследить до самых древних зачатков эволюции, мы таким образом, находим положительное и несомненное происхождение наших этических представлений, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы тоже видим лучший задаток еще более возвышенной дальнейшей эволюции человеческого рода.

1908-1922 г. г.

“ Очень скоро по выходе из тюрьмы я вынужден был покинуть Францию и поселился в Англии, где имел возможность изучать хозяйственную жизнь большой промышленной страны - на деле, а не только из книг, в которых экономисты повторяют вот уже более стал лет все те же ошибки своих предшественников. Читая лекции в разных городах Англии и Шотландии, я пользовался этими разъездами как для долгих бесед с рабочими, так и для осмотра всяких фабрик и заводов - крупных и мелких, угольных шахт и больших корабельных верфей, не забывая при этом мелких мастерских в таких больших центрах кустарного производства, как Шеффилд и Бирмингам. Посещал я также и громадные кооперативные центры для распределения, как Оптовой кооператив в Манчестере... Знакомясь таким образом с реальной жизнью, я постоянно имел в виду вопрос: «Какие формы сможет принять социальный переворот, чтобы наиболее безболезненно перейти от личного и компанейского производства с целью наживы к производству и товарообмену, организованным самими производителями и потребителями для наилучшего удовлетворения всех нужд населения?»

Из этого исследования получилось два вывода: «первый из них был тот, что производство пищи и всякого товара, а затем товарообмен представляют такое сложное дело, что планы социалистов-государственников - неизбежно ведущие к диктатуре партии - окажутся безусловно неудовлетворительными, как только их начнут прилагать к жизни.

Никакое правительство не будет в силах, - утверждали мы, наладить производство, если за это дело не возьмутся вами рабочие чрез посредство своих профессиональных союзов в каждой отрасли производства, в каждом ремесле; - потому что в каждом производстве есть и ежедневно будут возникать тысячи трудностей, которых никакое правительство не может ни разрешить, ни предвидеть.

Заранее предначертать все невозможно: нужно, чтобы сама жизнь и усилия тысяч умов на местах содействовали развитию нового строя и находили наилучшие условия для удовлетворения тысячи проявлений местных потребностей. Теоретические планы перестройки, конечно, не бесполезны в подготовительном периоде. Они будят мысль и заставляют вдумываться в сложные организмы, представляемые цивилизованными обществами.

Но вместе с тем, они слишком упрощают предстоящую человечеству задачу; и если начать осуществлять эти программы, то - жизни им не наладить. Произойдет от них такая разруха, которая может привести к самой злой реакции...

Мы все должны понять, что едва в стране начинается революционное движение, - единственный разумный исход состоит в том, чтобы фабричные рабочие, крестьяне и все граждане, сами, с самого начала движения взяли в свои руки все народное хозяйство, организовали его сами и направили в свои усилия к быстрому увеличению всего производства. Но убедиться в этой необходимости они смогут только тогда, когда всеобщие заботы о народном хозяйстве, предоставленные теперь по старой привычке целой ораве всяких министров и комитетов, будут представлены в простой форме перед всякой фабрикой и заводом как их собственное дело и будут представлены им в их собственное заведывание.

5 декабря 1919 г.

Из предисловия к книге «Завоевание рынка» *

“ «...Везде, во всем нам необходимо усилить производство. Люди Запада считают русский народ нищим, и мы действительно народ нищих, несмотря на дворцы, выстроенные в столицах, несмотря на пышные наши степи, покрытые хлебами, и на богатства в недрах земли! Нам все нужно: от хлеба и кровати с одеялом для крестьянина и рабочего до обучения и образования - для всех; от дешевого гвоздя для трактора, от сельской дороги до железных путей, от деревенской школы до политехникумов и университетов! При высоких умственных задатках наших народных масс мы остаемся нищими.

И вот теперь всем на предстоит дружно взяться за дело общественной перестройки, чтобы выйти из отчаянного положения, в которое мы попали...»

Москва, май 1918

Из переписки

П. А. Кропоткин - В. Г. Черткову*

“ Дмитров Московской губернии

Советская, д. Олсуфьева,

24 июля 1919

Дорогой Владимир Григорьевич!

Сейчас пришел ко мне врач земской больницы в Дмитрове - Сергей Васильевич Боголепов - прося, нельзя ли чем-нибудь помочь отцу, Василию Васильевичу Боголепову - престарелому священнику села Мышенского Серпуховского уезда, которого хотят судить в Серпухове революционным трибуналом.

Священник на сходке крестьян просил вернуть его церкви отобранные земли, и его обвиняют в том, что он после сходки говорил с крестьянами против Советской власти - и грозит за это суровым наказанием.

В настоящую минуту, когда страсти так разгораются с обеих сторон, всякое такое дело легко принимает опасный оборот, и доктор Боголепов просит в той или иной форме помочь его отцу. Я, лично, конечно, ровно ничего не могу сделать. Не поможете ли вы, дорогой Владимир Григорьевич?

Крепко жму вашу руку. Сердечный привет вам и Анне Константиновне от нас обоих.

П. Кропоткин.

П. А. Кропоткин - Георгу Брандесу*

“ Дмитров, 28 апреля 1919 г.

Диктаторская система якобинцев была ошибочной. Она не могла создать устойчивой организации и неизбежно привела к реакции...

Нечто подобное происходит в России. Большевики стремятся посредством диктатуры части социал-демократических партий ввести социализацию земли, промышленности и торговли. Перемены, которые они стремятся осуществить, являются основным принципом социализма. К несчастью, способ, которым они пытаются ввести в чрезвычайно централизованном государстве форму коммунизма, напоминающую теории Бабефа, парализуя при этом созидательную работу народа, делает успех... совершенно невозможным. А это подготавливает почву для воинствующей и злобной реакции. Последняя уже теперь старается организовать своих сторонников, чтобы восстановить старый режим. Она пробует извлечь для себя выгоду из общего истощения, вызванного сначала войной, а затем голодом, испытанным Центральной Россией, и из совершенной дезорганизации торговли и промышленности, являющейся неизбежной в революции такого масштаба при проведении ее путем указов.

Запад толкует о восстановлении порядка в России посредством военного вмешательства со стороны союзников. Вам, мой друг, хорошо известно мое мнение о том, насколько пагубным для всего социального процесса Европы

было поведение тех, кто стремится подорвать силу сопротивления России. Это поведение на год продолжило войну...

Некоторые воображают, быть может, что в лице Колчака и Деникина они поддерживают либеральную республиканскую партию. В этом они безусловно ошибаются. Каковы бы ни были личные намерения этих двух полководцев, большинство объединившихся вокруг них преследуют совершенно отличные цели. Они неизбежно приведут нас к монархии, реакции и кровавой бойне.

В виду этого, те из союзников, которые разбираются в положении, должны отвергнуть всякую мысль о военном вмешательстве, тем более, что у них не будет недостатка в работе в ином направлении, если они действительно желают оказать помощь России...

П. А. Кропоткин - А. М. Атабекяну 1*

1 Почин. М. 1922, №3, С. 4.; ОР РГБ, ф. 520, к. 3, ед. хр. 87

Дмитров, 2 мая 1920 г.

“ ...Верю я, наконец, что, разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них бесгосударственные формы жизни... когда люди избавятся от теперешнего кумира - государственной централизации и «сильного государства»...

Дмитров, 9 мая 1920 г.

“ ...Я взялся за этику потому, что считают эту работу, безусловно, необходимой: я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли, в обширно разработанной форме. И чтобы положить основы нравственности, свободной от религий и метафизики, и более высокой, чем религиозная, ждущая награды на том свете, необходима помощь хорошо разработанных книг.

В такой разработке теперь, когда люди бьются между началом и концом, т. е. между Ницше и христианством (так как нравственность Канта осталась религиозной, сколько бы ни прикрывалась философией), надобность чувствуется неотложная.

Замечательно, - я узнал это недавно, что Бакунин, когда после поражения Коммуны он удалился в Локарно, точно так же почувствовал необходимость выработать новую этику. Кто-нибудь непременно это сделает. Но надо

подготовить почву, и раз мой ум меня влечет и в этой области искать новых путей, надо это сделать; хоть наметить пути.

Жить мне осталось очень немного - сердце обрабатывает число биений, на которое оно было способно. Вот сегодня чуть не случился обморок - без ясной причины: сердце пошаливает.

Так вот на этику положили я теперь свои силы...

П. А. Кропоткин - В. П. Семенову-Тян-Шанскому 1*

1 РО РГБ ф. 410, к. 3, ед. хр. 40.

г. Дмитров, 8 сентября 1920 г.

“ Многоуважаемый Веньямин Петрович.

Благодарю Вас очень за Ваше милое письмо, за Положение и Записки об открываемом Вами и вашими сотрудниками Географическом Музее и за то еще, что Вы направили к нам нашего милого Илью Яковлевича. Так отраднo было увидеть его бодрым и свежим.

Мысль Музея - смелая и, наверно, она будет богата ценными результатами в Землеведении. Музей, конечно, расширит знание и понимание различных видов земной поверхности, их распределение, их происхождение, а, следовательно, и жизнь Земли, и историю ее населения, его передвижений и т. д. Он будет приучать нас смотреть на Земной шар как на живое целое. А это, как превосходно понимал Ваш отец - отец современной географии в России и любимый нами вдохновитель наших работа, - и как понимаем теперь мы, его ученики и последователи, - будет содействовать любви обитателей Земли к своей общей родине и - к уяснению высших философских задач в жизни человечества. Тем более, что Музей, очевидно, будет вместе с тем и Географическим институтом, т. е. центром новых исследований, как об этом мечтал Элизе Реклю.

Если я могу в чем бы то ни было быть полезным Музею - требуйте от меня работы, как от товарища. Всегда рад буду выполнить - увы, прибавляя «постольку, поскольку смогут устаревший за эти годы силы»...

Задания ваши очень обширны. Но, несомненно, мало-помалу определяется несколько направлений, в которых преимущественно будет идти работа. А в одном направлении - пробудить желание исследования, дух бродяжничества с научной целью, любовь к *Ansichten der Natur*¹ и смелость необходимых обобщений, вместе с их научно-индуктивной обоснованностью - в этом направлении Музей, несомненно, будет двигателем.

1 Наблюдения природы (нем.).

С Вашей работой в «России» я, к стыду своему, или вернее, вследствие разобщенности с Россией, познакомился, только прочтя первый ее том, а один из последующих томов увидел только недавно и почувствовал я сразу большую к ней симпатию. Прекрасная работа. Продолжаете ли Вы ее? Закончили ли Вы ее? Удалось ли Вам выполнить совет Фарадея: «travailler, terminer, publier»?...2 А в картах, нельзя ли найти способы гравировать их горы и реки интернационально, а надписи отдельно?

2 «Разработать, завершить, издать» (франц.).

Надеюсь, что скоро встретимся как-нибудь в Москве? Мне очень приятно было бы познакомиться лично с вами и вашим братом. Надеюсь, что это удастся еще до начала зимы, когда переезд Москва - Дмитров становится очень неприятен.

Примите уверения в искреннем уважении,

П. Кропоткин

Так что же делать? (1920)

“ 23 ноября [1920] Бурный разговор с Софьей и Сашей. Все те же вечные упреки - зачем не выступаю с определенной программой - чего? Действия? - нет: «взгляда, общего взгляда на современные события!»

Вот мой взгляд.

Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное - не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии.

Тысячи причин, при которых работа отдельного человека и даже партии, являющейся одной из крупинки, одним из маленьких местных вихрей, содействовала, чтобы сложилось великое стихийное явление, - великая, либо разрушающая, либо обновляющая катастрофа.

Все мы - и я в том числе - подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествовавшие революции: 1793, 1848, 1871 гг., все писания якобинцев, социалистов, политиканов... все успехи науки, промышленности, искусства и т. д. - словом, миллионы стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую

бурю, которая топит сотни кораблей или разрушает 1000 домов, - как сотрясение почвы в землетрясении, вызванном тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц.

Люди, вообще не представляющие себе явления конкретно, вечно мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакого представления о том, что такое революция, какие миллионы причин работали, чтобы дать ей теперешний характер, а поэтому они склонны придать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое они или их друзья и единомышленники займут в этом громадном перевороте...

Они не понимают, что если началось такое великое явление природы, как землетрясение или, вернее, - налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было влияние на ход событий отдельные люди бессильны. Партия еще может кое-что сделать - гораздо меньше, чем это думают, но все-таки, хотя на поверхности набегаящих волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно, бессильны; их силы, безусловно, равны нулю...

Если к этому сводятся такие силы, то тебе остается одно: переживать тайфун.

И в этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение стоят сейчас в России даже более крупные партии. Скажу больше. В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, а ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

Вот была плотина, державшая массу воды. Мы все подтачивали ее. И я внес в это свою долю.

Одни мечтали направить воду по тесному каналу на свою мельницу, другие мечтали проложить при помощи прорыва воды новые пути запруженной реке. Теперь она несется ни на мельницу - она снесла уже мельницу, ни по предназначенному руслу, - почему произошел прорыв, не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возможным прорыв плотины.

И вот спрашивается: что же делать? Запруживать плотину - нелепо. Поздно!

Пролагать прорвавшейся воде новые пути - невозможно! Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготовлен, когда случился прорыв, и вода не пошла по нему. Она рвется и ломает по другому пути.

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовить. Что же делать теперь? Мешать революции - нелепо! поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении.

Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: потому-то она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя...

и мы бессильны пока направить ее по другому пути до тех пор, пока она не изживает себя. Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда?

Тогда - роковым образом придет реакция.

Такой закон истории, и легко понять, почему иначе и быть не может.

Воображают, что мы можем изменить ход революции - детская мечта. Революция - такая сила, что ее хода не изменить. А приход реакции абсолютно неизбежен, точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного возбуждения.

А потому все, что мы можем сделать, это направить наши усилия на то, чтобы уменьшить рост и силу надвигающейся реакции.

Но в чем могут состоять наши усилия? Умерить голос страстей, с той и другой стороны? кто же нас станет слушать? Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать что-нибудь в этой роли, - то время их выступления еще не наступило; ни та, ни другая сторона еще не расположена их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться построительной работой, среди каждой из своих партий, после того, как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, несъедаемых самолюбием работников-анархистов. И если бы я был моложе и мог видеть сотни людей - конечно, так как это следует делать, если хочешь подбирать людей для общего дела...

Если такие «собиратели» анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать... - но гораздо больше перепиской и личными связями, чем путем печати.

П. А. Кропоткин

23 ноября 1921 г.

Свидетельства современников

А. А. Боровой (историк, публицист-анархист):

“ «Петр Алексеевич Кропоткин был редким живым воплощением аполлинического духа. С ног до головы он был вооружен солнечной трезвостью, постоянством, непоколебимой уверенностью в своих целях и средствах... Он послушный, почти благоговейный ученик природы».

Ж. «Пробуждение», N15, 1931, С. 15.

И. А. Бунин (писатель):

“ Вспомнил почему-то князя Кропоткина (знаменитого анархиста). Был у него в Москве. Совершенно очаровательный старичок высшего света - и вполне младенец, даже жутко».

Окаянные дни. М., 1990, С. 86.

В. И. Вернадский (академик):

“ «Работы Кропоткина... совершенно выдающиеся по самостоятельности и глубине мысли».

Вернадский В. И. Статьи и речи. Пг., 1922 г., т. 2, С. 85.

Эмма Гольдман (публицист-анархист):

“ «...Он был полон очарования и доброты, которые одинаково пленяли и друзей, и врагов, и пожалуй, в большей мере, чем его огромная эрудиция и прекрасная воспитанность».

«Пробуждение, N 15, Детройт, С. 224.

П. К. Козлов (географ, путешественник):

Я не только хорошо познакомился, но и сдружился с П. А. Кропоткиным, ведя с ним непериодическую, живую переписку. И, наконец, осенью 1891 года я встретился с Кропоткиным в Лондоне и был его ежедневным гостем на протяжении целой недели... С благоговением смотрел я на его оригинальную фигуру... в Кропоткине сочетались черты русского человека, талантливого географа и живого декабриста».

А РГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 313.

А. П. Кропоткина:

“ «Это было в Дмитрове вечером 23 ноября 1920 г. Отец мой позвал меня и мою мать, чтобы мы выслушали то, что он написал. Он был сильно взволнован и голос его дрожал... его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах ни облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей с первых же шагов по ложному пути и ведущему лишь к поражению и к реакции, была для его трезвого ума трагическим испытанием».

Б. Л. Личков (геолог):

“ «Удивительно интересный и тонкий наблюдатель был все же Петр Алексеевич Кропоткин».

Переписка В. И. Вернадского и Б. Л. Личкова. М., 1980, т. 2, С. 47.

И. И. Майский:

“ «Это была, конечно, самая популярная фигура среди лондонской политической эмиграции»...

Путешествие в прошлое. М., 1960, С. 126.

Энрико Малатеста (публицист, анархист):

“ «Кропоткин был одновременно и ученым, и социалистом-реформатором. Им владели две страсти: желание знать и желание работать для блага человечества. Ум систематически хотел все объяснить, исходя из одного принципа, все свести к единству.

... Однако мне кажется, что ему чего-то не доставало, чтобы быть настоящим человеком науки: способность забывать свои желания и предрассудки,

чтобы с беспристрастной объективностью изучать факты. Он казался мне скорее тем, что я охотно назвал бы поэтом науки...Он угадывал истину силой гениальной интуиции. Кропоткин был слишком страстен, чтобы быть точным наблюдателем... Кропоткин связывает склонность человека к справедливости с симметрическим устройством полушарий мозга. У материалистов механистическое понимание Вселенной. Воли нет. Все опрочиненно, необходимо. Но тогда идеи свободы и справедливости не имеют значения.

Анархизм и коммунизм Кропоткина: прежде чем быть вопросом мысли, были результатом его чувствительности. В нем сначала говорило сердце, а потом являлось рассуждение для оправдания и обоснования влечений сердца.

Основной сущностью его характера были любовь к людям, сострадание к бедным и угнетенным... Приписывая народу, массе все добродетели и способности, упрощал дело. Не видел препятствий в виде невежества, отсталости... Видел вещи такими, какими он желал бы, чтобы они были и какими, как мы все надеемся, они когда-нибудь будут...

Кропоткин понимал Природу как некое провидение, благодаря которому повсюду должна царить гармония, в том числе и в человеческих обществах».

«Пробуждение», N 5, Детрост, 1931, С. 69-73.

“ Еще замечательное - отношение ко всем инакомыслящим. Подчеркивает то, что соединяет этих людей...

В его письмах есть еще кое-что более глубокое. Читая их, мы чувствуем, что здесь перед нами совесть человечества. Я называю этим словом тот предел человеческого сознания, с высоты которого это последнее неопровержимо, отчетливо и бескорыстно отсортировывает добро от зла, справедливость от несправедливости, истину от лжи, красоту от безобразия... Вот эту настоящую, неподдельную совесть человечества и умел так четко, красиво и оригинально выявить П. А. Кропоткин в каждом своем произведении, будь это большая книга или же маленькое частное письмо...

«Пробуждение», Детроит. 1931, N 15, С. 51-54.

Элизе Реклю (географ, анархист);

“ «Самый честный и гордый среди нас голос - Кропоткина».

Предисловие к кн. «Речи бунтовщика». Птб.-м., 1921.

Л. Н. Толстой:

“ «...больше чем привет Кропоткину. Недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним (1903).

Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1957, т. 88, С. 296.

“ «...Мой больше чем привет Кропоткину... Жаль, что умру, не познакомившись с Кропоткиным. Судя по его книгам, это очень интересный человек (1906).

В. Поссе. Воспоминания. Птб., 1923, С. 96.

Оскар Уайльд:

“ «К числу самых законченных жизней, какие я только встречал и насколько простирается мой опыт - принадлежит жизнь Верлена и жизнь князя Кропоткина. Оба эти человека годами сидели в тюрьмах. Верлен - единственный христианский поэт после Данте, а другой с душой Христа, прекрасного, белоснежного, пришедший, как говорят, из России».

«Памяти Уайльда». Изд. «Гримф», М., 1905.

М. Мензбир:

“ «Я бы сравнил биологические этюды П. А. Кропоткина по определенности проводимых в них взглядов, по их цельности, по заложенной в их основе критике с биологическими этюдами Спенсера.

...я прежде всего должен отметить их строгую научность как по методу, так и по обилию собранного в них фактического материала».

Петр Кропоткин. Сб. статей. М., 1982, С. 107.

П. Н. Милюков (историк, политик):

“ «Я понял пропасть, отделяющую теоретика анархизма от практика... Идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образовался громадный промежуток, в котором оставалось место и для самых смелых исторических реконструкций - в будущем и для житейских компромиссов - в настоящем...

В душе Кропоткина противоречия просто не чувствовалось, оно не мешало равновесию, гармонии, которыми было проникнуто все его существо».

П. Н. Милюков. Воспоминания. М. 1991, С. 154.

В. И. Ульянов (Ленин):

“ «...Человек, полный мысли и огня... Но как устарел! Вот живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении... если только послушать его на одну минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и все мы, и он между нами, будем болтаться на фонарях, и он только за то, что называет себя анархистом...Он очень стар, и о нем нужно заботиться изо всех сил... он все-таки для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым...»

В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, С. 443-444.

А. Е. Ферсман (геолог):

“ «...Светлая память...останется навсегда в мыслящих кругах России о великих заслугах Петра Алексеевича перед русской наукой и обществом.»

ПО А РАН, ср. 55, оп. I, ед. хр. 109.

Макс Нетлау (историк, анархист):

“ «Человек редкой и огромной активности, раз принявшись за работу, он отдавался ей с большой напряженностью. Многие причины поставили его на рубеже между ученым и пророком».

Пробуждение, N 15, Детройт, С. 54.

Ромен Роллан, писатель:

“ «С глубоким чувством вызываю я в своей памяти святую личность Кропоткина. Я хотел бы передать, чем была для меня его книга «Записки революционера», какой яркий след оставила она в моей душе. Я не могу думать об этом иначе, как с чувством сыновней благодарности.

Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чем Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и

совершенной любви к людям, которой мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве...

Я присоединяюсь к благоговейному чувству любви, с которой вы отдаете последний долг нашему великому другу».

Н. А. Рубакин (писатель)

“ «Такие люди не бросают своих фраз на ветер, и за каждым словом в процессе его кристаллизации, наверное, скрывался целый вихрь бесконечно сложных, глубоких и многозначительных психических явлений...

Как известно, Петру Алексеевичу выпало на долю величайшее счастье - принадлежать к числу тех, относительно очень немногих гениев и друзей человечества, ум которых прямо-таки всеобъемлющ и вмещает в себя не какую-либо одну специальность, а все главнейшие отрасли человеческого знания, и при этом вовсе не представляет, так сказать, их склад, а их химическое соединение - их синтез. И не только синтез без всякой социальной и нравственной оценки, а именно с нею, и она-то и освещает и одухотворяет, и углубляет такой ум, как ум П. А. Кропоткина, и манит, и зовет, и толкает человека и человечество вперед и вверх...

Он кристально честный ученый и мыслитель с синтетическим складом ума, особенно подчеркивает значение синтетической точки зрения... Дает понять, что Космос (Природа, Вселенная) и человечество и человек словом сказать, все существующее, до последнего атома нашего тела, представляют собой единое и неразделимое целое...

Н. В. Чайковский:

“ «...В духе своего анархизма Кропоткин был не разрушитель. Он был творец в науке так же, как и в общественной жизни его родины, и из этого источника - его очаровательная красота и сила его души...

...Отличительную черту его ума всегда составляла кристальная ясность и определенность мысли. С ее выводами можно согласиться или нет, но им нельзя не любоваться: такой безграничной искренностью, такой глубокой любовью к простому, обездоленному люду они проникнуты... необыкновенно смелый мыслитель, непреклонный в деле принципа и бесконечно деликатный, терпимый... инициатива его оригинальной мысли просто феноменальна. Работоспособность изумляла».

Н. В. Чайковский. О П. А. Кропоткине. Газета «Речь» N 325, 26.11.1912.

В. Г. Чертков:

«Я почувствовал с его стороны то искреннее доброжелательство, на которое знаешь, что можешь в случае нужды всегда положиться... Несомненно чувствовалось, что в глубине своей души Петр Алексеевич был совсем не материалистом, но идеалистом чистой воды».

«Пробуждение», Детройт, 1931, N 15, С. 298.

Е. В. Шанцер (геолог):

“ «Труд Кропоткина совершил подлинный переворот в представлениях о ледниковом периоде... и современный исследователь может почерпнуть в нем немало ценных для себя фактов и мыслей».

Бюлл. МОИП, 1976, вып. I, С. 76.

А. Д. Шаховская (секретарь В. И. Вернадского):

“ «Добродушное лицо, совсем без морщин, и ясные глаза были совсем не стариковские. А в движениях было столько живости, подвижности, иногда почти мальчишеской резвости, что после первой встречи с ним забывалось, что он старик. казалось, что он стоит вне возраста, и молодой, и старый в одно и то же время».

Науч. арх. Дмитр. краевед. музея, ф. 123, д. 3.

И снова на рубеже веков

Встречая XX век, П. А. Кропоткин, родившийся еще в первой половине девятнадцатого столетия, с оптимизмом смотрел в будущее, хотя и не без тревоги. Он верил в то, что Россия станет следующей после искренне любимой им Францией страной великой социальной революции, которая коренным образом изменит ход ее исторического развития, да и всего человечества. Он понимал, что эта революция, как и все предыдущие, не выполнит всех поставленных ею задач; они будут решаться в ходе последующей эволюции на протяжении десятилетий, а, возможно, и столетия.

Но если будут повторены ошибки Великой французской революции, к власти придет одна партия (он имел в виду конкретно российских социал-демократов) и, подавляя другие партии и народную инициативу, займется укреплением государства, как бы оно не было названо, неизбежным станет восстановление самодержавия в еще более худшей форме. Прошло менее двух десятилетий нового века и стало ясно, что пророчество сбывается, причем даже Кропоткин не сразу поверил в это.

За свою долгую жизнь П. А. Кропоткин корректировал свои взгляды, всегда оставаясь при этом убежденным антиэтатистом. В последние годы жизни он, видимо, был готов к новой

коррекции, о чем можно судить по некоторым его послереволюционным высказываниям.

В составленной им почти полвека назад подчеркнута антинечаевской программе для кружка чайковцев усматриваются черты «казарменного коммунизма», решительно отвергнутого им в последующем. Определенная эволюция обнаруживается и в его критике капитализма и рыночных отношений. Достаточно сравнить его «речи бунтовщика» со статьями о сельско-хозяйственных фермах Канады и с миролюбивым выступлением на Государственном совещании в августе 1917 года.

Он смог убедиться и в том, что идеализировал народную «массу», пренебрегая проблемой личности. В своем последнем письменном документе, названном «Что же делать?», он, признавая катастрофу, в которую ввергла страну диктатура одной партии, выход видит в собирании «людей, способных заняться постройкой работы..., честных, преданных, не съедаемых самолюбием работников-анархистов». До конца жизни он остается верен своей концепции безгосударственного общества, полагая, что отказ от «властвования» людей над людьми легко может быть заменен их добровольным соглашением, в котором учтены будут интересы всех.

Базирующаяся на естественно-научных основах эта концепция не разработана в деталях и порой противоречива («И Кропоткин из противоречий соткан...», - вспомним еще раз слова поэта Леонида Мартынова. Выступая, например, решительным противником частной собственности и капитализма, он в то же время решительно защищал право каждого человека на свободу, как политическую, так и экономическую, но экономическое уравнивание и свобода несовместимы. Безгранична была его вера в присущие изначально, природой данные народной массе высоконравственные качества. Человечество для него было так же едино, как Природа. Между тем самые жестокие тоталитарные режимы устанавливаются именно при поддержке масс, ими по сути порождаются.

Недостатки теории Кропоткина продолжают его достоинства как человека, а они настолько велики, что долгое время недоработки его теории как бы и не замечали; ее либо целиком отвергали, либо полностью принимали. Но вот на новом рубеже столетий становится ясным, какая именно часть наследия Кропоткина пережила время и остается живой и в третьем тысячелетии.

По мнению академика Л. И. Абалкина, кстати, председателя комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина Российской Академии наук, проведенная в 90-х годах в России ваучерная приватизация была попыткой воплотить именно анархо-коммунистический идеал П. А. Кропоткина - распределение государственной собственности между всеми членами общества. План этот оказался в условиях постсоветской России абсолютно нереальным. Провозглашение торжества социализма в условиях укрепления государственности и подавления свободы, оказалось, как и предсказывал Кропоткин, ложным. На основе этого «социализма» на родине Кропоткина легко возродились частная собственность и капитализм. Кооперативное же движение, начавшееся в первые годы перестройки, не получило в России достаточного развития. Между тем, говорить о несостоятельности его идей было бы неверно.

Миновало уже 80 лет со дня смерти Петра Алексеевича Кропоткина, но имя его не забыто, а идеи продолжают жить, оказавшись созвучными нашему времени. Понемногу они реализуются, притом в разных странах мира.

Например, он предсказал неизбежность перехода в России от унитарного государства к федеративному, выражающего в постепенном ослаблении властных полномочий центра, вмешательства государства в экономику и в личную жизнь людей. Он предсказал укрепление взаимосвязей между людьми, установление самоуправления в регионах всех масштабов, замену администрирования свободным взаимным соглашением и сотрудничеством, постепенное замещение вертикальной структуры управления государством переплетением многоуровневых горизонтальных связей в обществе. Не все и не везде это происходит, но тенденция явно наметилась именно в этом направлении.

У Кропоткина были последователи, есть они и сейчас. Его теория получила новое развитие и воплощена во множестве попыток создания самоуправляющихся общин. Наиболее удачными оказались автономные кооперативные поселения в Израиле (кибуцы), организаторы которых руководствовались идеями Кропоткина и его продолжателей Густава Ландауэра и Мартина Бубера, причем некоторые из них существуют уже десятки лет. В этих поселениях осуществлено самоуправление, сельскохозяйственное производство соединено с промышленным, практикуется взаимопомощь. И, что особенно важно, экономическая эффективность достаточно высока¹.

1 Наука и власть: Сборник. М.: Наука, 2000. - С. 25.

Мне кажется возможным сопоставить П. А. Кропоткина с человеком следующего за ним поколения, родившимся как раз в год его смерти. Это - Андрей Дмитриевич Сахаров. Есть некоторое сходство и в их биографиях, и в их нравственном облике, но главное - в их взглядах на развитие общества. А. Д. Сахаров отказался от научной карьеры, в которой достиг уже высоких ступеней, и от личного благополучия, посвятив себя борьбе с тоталитарным государством, за правду и справедливость. Он не мог заниматься одной только наукой, когда не были решены социальные проблемы, и подвергся репрессиям и поруганию, но вступился за права человека и новые формы отношений между людьми, исключая конфронтацию и насилие. Так же и Кропоткин, отказавшись от сословных привилегий и руководящей роли в науке, пройдя через две тюрьмы и тяготы подполья и эмиграции, сохранил верность своим идеям свободы и справедливости.

В речи по случаю получения Нобелевской премии мира, прочитанной его женой Еленой Боннар в Стокгольме, так знакомом Кропоткину, 1 декабря 1975 года, академик Сахаров высказался за «гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем, лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок»¹. По существу, П. А. Кропоткин всю свою жизнь утверждал такие же принципы общественной жизни. Разница лишь в том, что жили два этих великих человека, очень, безусловно, несхожих и по происхождению и по жизненному пути, в разное время. Во времена Кропоткина разрыв между идеалом и действительностью был настолько велик, что преодолеть его казалось невозможным без решительного переворота всех общественных

структур, без революции. Результат же революции ему представлялся таким: «Общество, которое... ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности, свободно проявляются и взаимно уравниваются и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении. Это общество - самоорганизующееся, саморегулирующееся, самоуправляющееся, это общество народоправства»².

1 Октябрь. 1900. N 1.

2 Кропоткин П. А. Анархия и ее место в социалистической эволюции. - М., 1917. С. 29.

После падения монархии в России Кропоткин видел в ней лишь федеративную организацию; он был страстным приверженцем федерализма.

И Кропоткин и Сахаров выступали за соглашение как основную форму человеческих отношений и внутри страны, и на международном уровне, за равенство прав всех людей и взаимопомощь. Кстати, и о взаимопомощи говорил А. Д. Сахаров, хотя и не ссылаясь на Кропоткина.

Каким бы ни было сильным централизованное государство, оно не может вырвать с корнем, как писал П. А. Кропоткин, «чувства солидарности, глубоко коренявшегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущей эволюцией»³. Уже в первые годы XX века Кропоткин предвидел, что потребность во взаимной помощи и поддержке постепенно становится «главным двигателем на пути дальнейшего прогресса». И, несмотря на постоянные срывы, торможение, возвраты назад, процесс продолжается в том направлении, на которое указывал П. А. Кропоткин. Его вера основывалась на глубоком знании и понимании природы, от которой он не отрывал ни человека ни человечество.

3 Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. - Харьков, 1919. - С. 176.

Если представить творческое наследие Кропоткина в виде архитектурного сооружения, то венчать его будет концепция самоорганизующегося, динамичного общества, свободно развивающегося без власти и принуждения, фундаментом же следует признать глубокое им понимание природы (в самом широком значении этого слова).

Великий химик Д. И. Менделеев, всерьез занимавшийся вопросами экономики России, считал очень важным посмотреть на них «глазами естествоиспытателя». В полной мере это относится к П. А. Кропоткину, не противопоставлявшему природе человека и верившему поэтому в возможность самоорганизации общества по образцу природы, смотревшему на проблемы общества «глазами естествоиспытателя». Эти его идеи стали наиболее ориентированными в будущее. П. А. Кропоткина не случайно то, что по крайней мере три отрасли науки, сформировавшиеся в последние два-три десятилетия, называют Кропоткина в числе своих основоположников. Это, во-первых, - радикальная география, называемая еще социальной географией или географией качества жизни; вышедший в Лондоне в 1978 г. первый сборник статей по этому направлению «Radical Geography» был посвящен Петру

